

ШОУ РАЗБИТЫХ ЗВЁЗД

18+

Дериа Крис

18+

Дериа Крис

Шоу разбитых звёзд

«Автор»

2026

Крис Д.

Шоу разбитых звёзд / Д. Крис — «Автор», 2026

Триста лет Инквизиция охотится на тех, в ком пробуждается запретная сила, объявляя их угрозой для мира. Церковь называет это очищением. Мортейн - хозяин «Театра разбитых звёзд» - называет это коллекцией. Он охотится на детей с даром, чтобы превратить их агонию в зрелище для пресыщенных аристократов. Его новый трофей - младший брат Эйлин, украденный прямо у неё из рук. Теперь ей предстоит пройти путь через гниющую изнутри Империю: от портовых трущоб до заоблачных вершин, где живёт элита, возомнившая себя богами. А где-то впереди, за кулисами кровавого спектакля, её ждёт человек, для которого чужая боль - высшее искусство. Возьмут ли чувства верх над разумом? И какую цену придётся заплатить за билет на это смертельное шоу?

© Крис Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Введение / Мортейн	5
Глава 1 / Эйлин	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	32
Глава 8	39
Глава 9	43
Глава 10	48
Глава 11	51
Глава 12	55
Глава 13	59
Глава 14	63
Глава 15	70
Глава 16 / Арас	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Дериа Крис

Шоу разбитых звёзд

Введение / Мортейн

Мир прогнил. Не как упавшее яблоко в саду, подгнившее с одного бока. Он разлагается изнутри, с самого сердца. Там, где должна царить справедливость, раскинулась выжженная страхом пустыня.

Страх — самое мощное оружие в руках тех, кто лишён истинного величия. Инквизиторы знают это лучше всех. Фанатики веры, святая полиция, чья власть простирается туда, где кончается власть короны.

Простые люди прозябают в нищете, раздавленные гнётом самопровозглашённой магической элиты, возвышающей свои замки из белого камня и возомнившей себя царями мира. Но все они дрожат перед тем, что невозможно измерить, подчинить или купить... Перед Хаосом.

Церковь умело использует этот страх. Триста лет Инквизиция подкармливает костры, жертвуя телами тех, в ком пробуждается опасная сила. Их зовут «Искрами Пустоты» — проклятыми, ошибкой природы.

Люди действительно верят, что Искра — это скверна, трещина в творении, которую надо выжечь, пока она не разъела мир. Я же вижу в них редчайший дар: чистейшую энергию мироздания.

Жалкие трусы... Им легче спалить младенца в колыбели, чем дать ему шанс осознать свою божественность среди муравьёв. Проще уничтожить, чтобы «Колокола Чистоты» в соборах снова загудели, охраняя их шаткое превосходство. Стабильность — их богиня, первородная сила — то, чего они боятся больше всего.

Я уловил всплеск. На окраине Империи реальность едва дрогнула, но я, смотрящий не глазами, почувствовал его: зов, тянущийся на сотни миль, как маяк в ночи — манящий и неумолимый.

— Слишком ярко, — прошептал я, глядя на ладони в чёрных перчатках. — Этот свет спалит дом, если я не опережу их.

Мой «Театр Разбитых Звёзд» требует свежей крови. Зрители — разжиревшие аристократы в масках, уставшие от банальных иллюзий и дрессированных теней. Им подавай бездну на вкус, без риска для себя. Нужна новая звезда, чья мука станет пиком наслаждения. Я дам им это в обмен на их монеты.

Мои люди не слуги, а мастера: гримёры, портные, актёры, хранители забытых секретов. Среди них и беглецы, выскользнувшие из когтей Инквизиции, и палачи, уставшие от крови, и контрабандисты, знающие все тайные тропы. Они знают цену ужаса, и я чту их за это.

В соборе неподалёку уже гудят погребальные колокола. Инквизиторы седлают коней. Для них это не охранная операция — это священный ритуал «очищения». Они мнят себя праведниками, на деле лишь расчищая мне дорогу.

Поправив лацканы чёрного камзола, я сплёл тени в портал. Неважно, кто встанет у меня на пути: перепуганные родители или фанатики с горящими глазами. В этом мире выживает тот, кто берёт своё.

Мне нужен этот ребёнок, он станет жемчужиной репертуара. Самым выгодным трофеем за десятилетия.

Я шагнул во тьму. Сегодня в Театре зажжётся новая звезда, и мне плевать, сколько жизней придётся оставить в руинах, чтобы добыть её.

Глава 1 / Эйлин

Рынок бурлил жизнью, наполняя улицу запахами свежего хлеба и перезревших фруктов. Я торопливо шагала между прилавками, сжимая в руках список матери: горечавка, одуванчик, корень ивы... Склянки в сумке тяжело перекатывались, словно упрекая меня за медлительность. День только начался, а усталость уже плелась за мной тенью. Не от работы — от постоянной тревоги. От мысли, что в любой момент знакомые ароматы этого города могут смениться едким запахом дыма от горящих домов.

— Эйлин?

Голос Лемана прозвучал так близко, что я вздрогнула. Он стоял прямо передо мной в простой тёмной куртке и штанах, без своей форменной одежды. На его лице играла лёгкая улыбка, но в глазах пряталась озабоченность, которую я видела каждый день последние месяцы.

— Не ожидал встретить тебя здесь, — сказал он с привычной мягкостью. — Я думал, ты сразу в лавку пойдёшь.

Он шагнул ближе и притянул меня к себе. Объятия были крепкими, надёжными, окутывающими тем теплом, которому так хотелось довериться. Затем его губы коснулись моих — медленно, будто он пытался проверить, осталось ли ещё хоть что-то от прежних нас.

— Вальтер, здравствуйте, — мой голос прозвучал чуть выше обычного, когда я заметила его отца.

Вальтер стоял возле соседнего прилавка в полной форме Инквизиции: серый камзол, плащ, жетон «Колоколов Чистоты» на груди. Он казался монументальным и холодным, как памятник из гранита.

— Почему вы в форме в выходной? — спросила я, стараясь сохранить нейтральность.

Вальтер не сразу ответил. Его глаза медленно скользнули по мне, будто оценивая не только мой вопрос, но и всю обстановку вокруг.

— Искры рождаются всё чаще, — начал он. — А родители всё чаще пытаются их укрыть от нас... Ночью в соседнем поселении произошёл очередной взрыв. Выброс энергии. Вся семья погибла, поэтому мы повышаем активность.

Его голос был низким и безэмоциональным, словно он докладывал о погоде или об уборке улиц. Леман слегка потянул меня за собой, пытаясь увести от этого разговора.

— Отец, Эйлин просто за покупками...

— Церковь действует не из злости, — продолжил Вальтер, не обращая внимания на сына. — Она действует из любви к «чистоте». Нарушители должны быть остановлены. Искры должны быть уничтожены, будущее зависит от нас.

Я почувствовала, как пальцы Лемана слегка сжали мою руку. «Не отвечай», — казалось, говорило это давление.

— Пойдём, — сказал он тихо, уже поворачивая к выходу с рынка. — Провожу тебя.

Шаг за шагом мы оставляли за собой гул базара, крики торговцев и запахи — всё то, что сегодня казалось лишь декорациями.

— Эйлин, — начал он, когда мы оказались на пустынной улице. — Отец видит всё. Он главный не только в нашем городе, но и по всему краю. К тому же я работаю с ним. Я не... я не смогу долго скрывать то, что знаю о твоём младшем брате. Если у тебя есть какой-то реальный план...

Резко остановившись, я повернулась к нему. Его глаза были полны страха. За нас. За наше будущее. Но как объяснить ему, что план, который я смутно обрисовывала в своих мыслях, покажется предательством всего, во что он верит?

— Я думаю, нам с семьёй нужно будет уехать из города... — слова вырвались наружу, сломав плотину молчания, которую я так тщательно возводила. — Прости, что говорю об этом вот так.

Он не ответил сразу, но его рука сжала мою сильнее. В этом движении было всё: понимание, бессилие, любовь. Его взгляд стал тяжёлым, словно в нём растворилась последняя надежда на то, что всё устроится само собой.

— Значит, это не просто мысли, — прошептал он. — Ты действительно приняла решение.

Я не нашла слов, чтобы это опровергнуть. Моё молчание было ответом, который он прочёл без труда.

— Давай встретимся вечером, — сказал он, и его голос вновь обрёл твёрдость, но теперь это была твёрдость солдата перед боем. — Всё обсудим.

— Хорошо, — тихо ответила я.

У лавки нас уже ждала наша подруга Ная. Она улыбалась своей обычной, солнечной улыбкой, но стоило ей увидеть наши лица, как улыбка опала, словно увядший цветок. Мать стояла на пороге, вытирая руки о льняной фартук. За её спиной, в полумгле лавки, виднелись полки, уставленные склянками и пучками сушёных трав. Едва уловимые нити магии витали вокруг стола, говоря о том, что она только закончила работу с настойками.

— Эйлин! Горечавку нашла? — её голос был нарочито тёплым, слишком бодрым для этого утра.

— Да, мама, — ответила я, переступая порог, словно шагнув через невидимую границу. Снаружи оставались будущее, полное опасных решений, и Леман, который принадлежал тому миру. Внутри — прошлое, наш хрупкий, обречённый мирок.

— Я зайду вечером, — сказал Леман, его взгляд, тяжёлый и полный невысказанного, встретился с моим.

Я ответила ему коротким кивком. Секунда — и его силуэт растворился в утреннем свете, а я закрыла дверь.

— Что случилось? — тут же выдохнула Ная.

— Потом, — коротко бросила я.

Когда я начала раскладывать бутылки, каждая из них казалась мне не сосудом для отвара, а кирпичиком в стене нашей лжи. Вот эссенция Melissa, безобидный компонент успокоительных капель для нервных горожан. Но в нашем доме, смешиваясь с корнем ивы в строгой пропорции, она могла на несколько часов подавить хаотичные всплески энергии моего брата Дамиана.

Ложь была повсюду. Она осела на полках, въелась в трещины дерева, пропитала сам воздух. С каждым днём она становилась тяжелее. И я понимала, что скоро эта хрупкая конструкция не выдержит. Стены нашего мирка истончались, превращаясь в паутину, и сквозь неё уже пробивался холодный, безжалостный ветер реальности.

— Элли, ты ушла в себя? Мы пойдём вечером в бар? — голос Наи, звонкий и резкий, вывел меня из оцепенения.

Я заставила себя улыбнуться.

В «Пьяном грифоне», который принадлежал семье Финна, мы проводили лучшие вечера, прячась от скуки и гнёта взрослой жизни. Финн, мой друг с самого детства, и Ная были единственными якорями, удерживающими меня над бездной. Подруга проводила в баре почти всё время, помогая Финну, а может, просто не желая отходить от него. Их тайная, невысказанная привязанность была видна всем, кроме них самих, и в другие дни я подшучивала бы над этим до самого заката. Но не сегодня.

— Ко мне вечером придёт Леман, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Нам нужно поговорить.

Ная быстро перевела взгляд на закрытую дверь, за которой он только что скрылся, и, заметив моё понурое настроение, тут же сменила тон.

— Понятно. Значит, «Грифон» отменяется... Ладно, не страшно. Может, схожу туда сама, Финн наверняка угостит меня чем-нибудь, — она слегка толкнула меня в плечо, стараясь разрядить обстановку. — А ты... просто не забывай дышать, ладно?

Её попытка подбодрить меня была неуклюжей, но искренней. Я кивнула, отвернувшись к полкам.

— Не забуду, — выдохнула я, почти про себя.

Ная ушла ещё до полудня, оставив нас доделывать дела. Мать весь день была необычно рассеянной, то и дело потирая виски. Видя, как тяжело ей даётся каждое движение, я настояла, чтобы она вернулась домой отдыхать. Мама не стала спорить, и я осталась одна.

Наплыв покупателей иссяк лишь к вечеру, когда город начал погружаться в сумерки. В наступившей тишине я с горечью огляделась.

Лавка всегда была для меня чем-то большим, чем просто местом работы — настоящим оазисом, созданным с душой. Стены и потолок здесь увивали живые лианы, а огромные витражные окна, словно драгоценные камни, отбрасывали на прилавок калейдоскоп цветных бликов. Здесь всегда можно было найти ароматные цветы из маминого сада и целебные настойки, чья сила была известна всему городу. За небольшими столиками люди отдыхали, наслаждаясь отварами, в которые мама добавляла щепотку мерцающей пылицы — каплю настоящего волшебства.

Мать, Лаэта, была хранительницей этой гармонии. Я же с детства научилась чувствовать каждый цветок, различать сотни трав по аромату и точно отмерять пропорции для снадобий. Я была уверена, что посвящу этому всю жизнь, и даже не замечала, как за уютной работой время сглаживало всё вокруг, отодвигая на второй план иные пути.

Гудящая тишина напомнила, что день подошёл к концу. Я дождалась, пока за последним клиентом звякнет дверной колокольчик, и с тяжёлым вздохом перевернула табличку на «Закрыто».

Когда я вышла на улицу, воздух уже наполнился прохладой, а на мостовую легли длинные, тягучие тени заходящего солнца. Путь пролегал через окраину, туда, где мощеные улочки уступали место холмам.

Я жила здесь столько, сколько себя помню. Тишина нашего островного города, пёстрые цветочные поляны и витающая в воздухе магия были неотъемлемой частью моего мира.

Некоторые жители нашей земли были наделены особым даром, помогающим в быту. Наши способности не были выдающимися: мы не умели останавливать время или перемещаться в пространстве силой мысли, но наш край славился искусными лекарями и талантливыми ремесленниками. Это не было случайностью — люди с дарами рождались только в семьях Одаренных. Такая магия считалась естественной, полезной частью жизни — в отличие от редких Искр. Если обычный дар был тихим огоньком, согревающим дом, то Искра была пожаром, способным поглотить города. Именно поэтому их боялись: безграничная сила была под строжайшим запретом, и судьба таких детей обрывалась в колыбели. Обладателям же скромных талантов ничто не угрожало. Жизнь текла мирно, а люди поддерживали друг друга, словно детали единого, слаженного механизма.

Поднявшись на пригорок, я наконец увидела наш дом — не роскошный особняк, а тёплое, уютное жилище из камня и старых дубовых балок, пропитанное ароматами дерева, смолы и сушёных трав. С южной стороны раскинулся мамин сад — изобилие клумб, изящные арки дикой розы и пергола, щедро усыпанная виноградом, где среди зелени прятались глиняные горшки с рассадой. Даже суровой зимой сад хранил отголоски лета.

Я замедлила шаг, проходя мимо мастерской отца. Старая кованая вывеска над входом тихо поскрипывала на ветру, а руны на ней почти стёрлись от времени. Дверь была приоткрыта, и я на секунду заглянула внутрь.

Отец, Илай, стоял у наковальни. Его крепкая фигура в простой рубаше с неизменными масляными пятнами казалась неподвижной, почти монументальной. Он был магом металла, и сейчас в полумраке мастерской от него исходила та особая сила, которая всегда внушала мне благоговение. Глаза цвета остывшей стали были сосредоточены на заготовке. Даже в мимолётном взгляде я видела ту «остроту» — точность мастера, способного вложить саму суть защиты в обычный дверной замок.

Рабочее место отца было его крепостью. Воздух здесь был густым от запахов подкопчённого дерева и жара печей. Это был мир предельной точности и скрытых смыслов. Нам редко разрешалось заходить внутрь во время работы: тонкое, как лезвие меча, магическое равновесие требовало покоя. Лишь изредка отец позволял приблизиться, чтобы оценить готовое изделие.

Обогнув кузницу, я поднялась на крыльцо. Я знала здесь каждый скрип половиц, каждую книгу на библиотечных полках — потрёпанные тома о ремёслах и народной магии. Наш дом был не просто убежищем, а средоточием маленького, самодостаточного мира, наполненного теплом.

В гостиной мама уже накрывала на стол. Трёхлетний Дамиан крутился у её ног, настойчиво дёргая за подол юбки и требуя ужин. Смеясь, мама вручила ему овсяное печенье, и малыш, радостно застучав пятками, убежал вглубь дома. Присев за стол, я наконец перевела дух, чувствуя, как усталость разливается по телу.

Вскоре с порога послышались тяжёлые, уверенные шаги. Вошёл отец, принес с собой прохладу улицы. Увидев маму, он на мгновение задержался, а затем, отбросив привычную серьёзность, подошёл к ней сзади и крепко обнял. Он уткнулся лицом в её медные волосы, и на секунду они будто забыли, что я сижу рядом.

Я смотрела на них и невольно улыбалась. Несмотря на внешнюю суровую сдержанность, отец безумно любил маму. Он часами мог слушать о её новых заклинаниях и с покорностью позволял испытывать на себе «новаторские отвары». Мы часто шутили, что ему повезло родиться со здоровьем титана — будь он хрупким, такая жена давно бы его погубила.

Мама же, напротив, редко заходила в мастерскую. На неё давила грубая, необузданная мощь, исходившая от его работ. Лаэта была его полной противоположностью, идеально заполняющая пустоты в душе мужа. Волосы цвета заката, обычно распущенные, источали аромат мёда и розмарина. Её ладони были мягкими, но удивительно цепкими: она сеяла семена, шептала травам заклинания роста, плела амулеты. Казалось, одним своим присутствием она разгоняла тучи, и даже строгий муж таял под её нежным взглядом.

Глядя на них, я не могла отделаться от мысли, какой хрупкий баланс они создали. Это была наша вселенная, где железо и цветы мирно соседствовали друг с другом.

У меня тоже был дар, но ему не находилось места в этом обычном мире. Ни я, ни родители так и не смогли найти ему применения. Пока другие видели лишь пустоту или твёрдые стены, мир открывался мне иным — он был соткан из миллионов невидимых нитей живой энергии. Я могла касаться их, перебирать пальцами, словно струны невидимой арфы, вызывая тихую вибрацию в воздухе. Но эти нити оставались лишь красивым видением, бесполезной музыкой, для которой в нашей суровой реальности так и не нашлось инструмента.

Мы сели ужинать. Родители говорили о самых обычных вещах: о новых всходах в оранжерее, о заказе, который нужно выполнить к концу недели. Отец рассказывал какой-то неуклюжий анекдот про клиента, а мама смеялась, прикрывая рот рукой. Казалось бы — идеальный вечер. Но я чувствовала, как внутри, под самыми рёбрами, ворочается знакомое холодное беспокойство.

И в этот момент в дверь постучали.

Стук был негромким, но отчётливым — три коротких, требовательных удара. Леман.

— Я открою! — уже выбегая из-за стола, выпалила я, не дожидаясь реакции родителей.

Леман стоял на пороге в своей любимой рубахе с закатанными рукавами. Он казался слишком идеальным для нашей деревни — высокий, широкоплечий, с золотистыми волосами и веснушками на загорелой коже. Обычно его голубые глаза смотрели непривычно серьёзно, но стоило им встретиться с моими, как в них вспыхнула искра, а на губы легла знакомая, чуть саркастичная, но мягкая улыбка.

— Леман! — крикнул отец из-за стола, отодвигая стул. — Заходи, садись. Чай ещё горячий.

— Спасибо, пап, но... нет, — отрезала я, уже схватив тёплую кофту с вешалки. — Мы лучше немного прогуляемся.

Молодой человек повернулся к моим родителям.

— Не беспокойтесь, — сказал он с той уверенностью, которая никогда в нём не пропадала. — Я верну её в целости и сохранности.

Я вышла на улицу первой, он последовал за мной. Влажный осенний воздух обволакивал нас, но внутри меня всё росла тревога. Мы оставили за собой уютный свет окон и тихий разговор родителей, который теперь казался таким далёким, и двинулись прочь от дома, к нашему утёсу, где мы любили проводить время и часами разговаривать. Наша прогулка началась, и я знала — она приведёт к тому, что навсегда перевернёт наш привычный мир.

Глава 2

Мы шли молча. Ветер с моря, солёный и холодный, уже ерошил волосы, стирая остатки домашнего тепла. Когда Леман поравнялся со мной, его рука, как тысячи раз до этого, легла на мою талию. Этот жест, прежде даривший покой, сейчас отзывался почти физической болью.

— Помнишь, как ты впервые поцеловал меня здесь? — спросила я, не глядя на него.

Леман усмехнулся.

— Конечно. Ты тогда пришла сюда одна, вся в слезах после ссоры с отцом. Сидела на самом краю, свесив ноги, и даже не обернулась, когда я подошёл, — сказал он, когда мы выбрались на каменистую тропу над обрывом.

Далеко внизу море неистово билось о скалы. Фосфорические блики играли на гребнях волн, словно глаза подводных чудовищ, наблюдающих за нами из глубины. Мы сели на землю, ещё хранившую скудное тепло ушедшего дня.

В этот, казалось бы, романтический момент я вспомнила, как три года назад, когда Дамиану исполнилось всего два месяца, крошечные искры сорвались с его пальцев и подожгли занавески сразу в трёх комнатах. Отец бросился затыкать щели в ставнях одеялами, заглушая сияние, а мама начала выводить на его ладони первые, самые простые руны подавления, сбиваясь от ужаса.

Тогда я поняла: мой брат не просто ребёнок. Он — Искра. Ошибка, которую Инквизиция постарается стереть с лица земли.

— Леман, — я коснулась его руки, глядя, как он всматривается вдаль. — Помнишь, ты обещал защитить меня от всего?

Он медленно повернулся. Его лицо в свете луны казалось высеченным из камня: те же скулы и та же линия подбородка, что и у его отца. Но в глазах... в них плескалась отчаянная нежность.

— Я помню каждое своё слово, Эйлин, — голос его стал хриплым. — И я пытаюсь. Ты просто не знаешь, как тяжело мне заступать на пост и подписывать отчёты об «отсутствии подозрительной активности», когда я знаю, что за стенами твоего дома живёт то, что стоит десятков жизней.

— Мы скоро уедем, — выпалила я. — Мы с родителями почти всё собрали. Дамиана удаётся сдерживать. Эти три года — не просто удача. Это любовь. Он не монстр, Леман. Он просто... свет.

Леман болезненно поморщился.

— Свет, который сжигает всё, к чему прикасается. Инквизиторы не дадут вам уйти. А если они поймут, что я знал...

Он резко встал, и я поднялась следом.

— Значит, уходи со мной! — я схватила его за рукав, заставляя смотреть мне в глаза. — Оставь свой долг, свой пост, свою «правильную» жизнь. Уйди со мной, и мы придумаем будущее, где не нужно выбирать между законом и любовью.

Он смотрел на меня так, будто я предложила ему прыгнуть с этого утёса. В его взгляде отразилась вся тяжесть клятв и воспитания, которое вбивали в него с детства. Но затем что-то сломалось. Солдатская выправка и напускная строгость осыпались, как обветшалаея штукатурка со стен старого дома.

— Ты хотя бы представляешь, что ты со мной делаешь? — выдохнул он.

Леман резко притянул меня к себе. Его руки, сильные, привыкшие к рукояти меча и рукопашному бою, сжали меня так, словно я была единственным спасательным кругом в океане. Он поцеловал меня — жадно, почти яростно. В этом не было нежности, только боль про-

щания и отчаянная жажда. Я впилась пальцами в его плечи, чувствуя, как его сердце колотится в унисон с моим.

— Я люблю тебя, Элли, — прошептал он в мои губы, отстранившись лишь на дюйм. Его дыхание сбивалось, а в глазах горел пожар. — Больше, чем саму жизнь. Но ты не понимаешь...

Он снова обнял меня с такой силой, что стало трудно дышать. Я закрыла глаза, впитывая этот миг — единственное, что было настоящим в мире, где само наше существование стало преступлением. На краю бездны мы были просто влюблёнными, стоящими на пороге конца.

— Мы что-нибудь придумаем... — его голос сорвался на шёпот, а губы касались моей щеки, виска и снова губ. — Клянусь, мы что-нибудь придумаем. Ты даже не представляешь, как я не хочу тебя отпускать.

Я знала это, но не находила слов. Ком стоял в горле, а к глазам подступили горячие, предательские слёзы. Я лишь прижалась к нему сильнее, в последний раз вдыхая знакомый запах кожи и мятного мыла, пытаюсь запечатлеть в памяти каждое касание, пока время, жестокое и неумолимое, не унесло этот хрупкий островок тепла в ледяную ночь.

Боясь пошевелиться, чтобы не спугнуть момент, мы стояли обнявшись, пока слёзы не высохли на ветру. Затем он осторожно отвёл меня к самому краю утёса, где выступал плоский камень. Мы сели, свесив ноги в пустоту, словно снова были детьми, словно не существовало в мире печалей и разлук.

Отодвинув проблемы и страх на задний план, мы наглухо закрыли перед ними дверь и стали вспоминать. Сначала неуверенно, через силу, но потом слова потекли быстрее и легче.

— Помнишь, как ты пыталась научить меня читать по звёздам? Тем летом, на крыше старой сторожки, — вдруг сказал он, и в его голосе снова появилась знакомая усмешка.

— А ты назвал созвездие Лебеда «разбросанной кучей огоньков», а Большую Медведицу — «кастрюлей с дыркой»! — вырвалось у меня.

Одну историю мы пересказывали несколько раз, добавляя детали, точно полируя драгоценность. О том, как он, ещё будучи простым патрульным, принёс мне в подарок не букет, а целый куст дикого шиповника, выкопанный с корнем из запретной зоны у старой часовни.

— Я тогда думал, ты рассердишься, — сказал он, глядя на море. — Это была глупость.

— Я и рассердилась. Но потом увидела, как ты, весь в земле и шипах, пытаешься записать его в горшок у нашего крыльца... И поняла, что это самый красивый букет в мире.

Мы перебирали старые воспоминания: как провалили первый совместный ужин, устроив пожар на кухне, как прятались от летнего ливня под этим самым утёсом, и он рассказывал мне страшные истории о морских чудовищах, а я притворялась, что совсем не боюсь.

Он говорил, а я смеялась. Сидя плечом к плечу, я осознавала, что это были наши последние радостные минуты, когда мы были просто двумя дураками на краю света, отчаянно притворяющимися, что завтра никогда не наступит.

Возвращение к дому проходило в тишине. Леман не отпускал мою руку, и путь казался бесконечно длинным. Вдоль всей тропинки меня не отпускала одна мысль: как нелепо и пугающе рушится то, что ещё недавно казалось незыблемым.

Память услужливо подбросила картины прошлого. Детство, пёстрое и шумное. Он был старшим среди соседских сорванцов и никогда не упускал случая дёрнуть меня за рыжие косы, обзывая Лисичкой. Матери лишь со смехом переглядывались, предрекая нам свадьбу.

Годы пролетели незаметно. Леман превратился в высокого, статного мужчину, но в его глазах сохранился тот же озорной мальчишеский блеск. Для него я осталась Лисичкой, только теперь — его Лисичкой.

В нём сочетались благородство и принципиальность, присущие сыну сурового служителя закона. Порой его правильность граничила с занудством, вызывая у меня лишь улыбку. Планы на жизнь были простыми и светлыми: свадьба, уютный дом, тихая провинциальная жизнь, как

у тысяч других людей. Ещё недавно мы были идеальной парой, отсчитывающей дни до того момента, когда станем семьёй.

Но за этой внешней правильностью скрывался другой Леман. Будучи Одарённым, как и его отец, он прошёл обучение в Академии Инквизиции, прежде чем надеть серый плащ. Его дар казался многим благословением: он мог остановить кровотечение одним прикосновением, спасая раненых. Инквизиция ценила его способность считывать обрывки информации, эмоций и воспоминаний из свежей крови — он был идеальной ищейкой, способной вытянуть правду из любого предателя. Но меня этот дар всегда пугал. Я видела, как легко его можно было использовать для чего-то гораздо худшего, если бы его принципы, его правильность когда-нибудь дали трещину.

Возле калитки реальность догнала нас.

Леман остановился. Пальцы медленно разжались, будто каждое движение давалось ему с трудом. Он не попытался сделать шаг навстречу, лишь замер, глядя на меня взглядом солдата, осознающего безвозвратную потерю.

— Спокойной ночи, Элли, — произнёс он.

Голос прозвучал глухо, лишённый прежней ласки. Он наклонился, оставив невесомый, почти формальный поцелуй на моей щеке — холодный ритуал прощания.

— Спокойной ночи, Леман, — отозвалась я, чувствуя, как внутри разливается густая пустота.

Он развернулся и ушёл, а я стояла у калитки и слушала, как мерный стук его шагов тонет в шуме ночного ветра и далёкого прибоя.

Я вошла в дом, где все уже спали. Пройдя через тёмную прихожую, я шагнула в гостиную. Лунный свет ложился на пол широкой, холодной полосой. Я опустилась в глубокое кресло у камина, в котором всегда сидел отец, и подняла взгляд.

В углу, в самой глубине комнаты, стояла колыбель.

Та самая, что мама вырезала из орехового дерева ещё до рождения Дамиана, простая, с изящными звёздочками на спинке. Но сейчас она казалась не уютным гнёздышком, а молчаливым укором, памятником нашей слепоте. Мы видели лишь колыбель для малыша, не ведая, насколько хрупкими были эти деревянные бортики перед силой, что уже пустила корни в нашу жизнь. Именно в тот день, когда отец поставил её на это место, в наш упорядоченный быт вместе с запахом свежей стружки проникли первые семена лжи и страха.

Сидя в темноте и глядя на пустую колыбель, я снова увидела ту ночь. Я помнила её до мельчайших подробностей.

Город дремал под монотонный шёпот летнего дождя, фонарщик только что погасил огни на улицах спящего городка. Илай сидел в гостиной, неподвижный, как изваяние, и курил трубку, а его взгляд был прикован к напольным часам. Стрелки ползли мучительно медленно, словно в липком кошмаре. Из спальни наверху доносились крики Лаэты, суeta служанок и резкие, чёткие команды повитухи. Весь мир сжался вокруг той комнаты — там, на тонкой грани между жизнью и вечной тьмой, решалась наша судьба.

Лаэта билась почти сутки, упрямая и стойкая, не желающая отступать. Её стоны сливались с шумом ливня, пока на первых лучах рассвета не появился Дамиан.

Он родился совсем крошечным, но уже с немой угрозой в кулачках: чёрные вихры волос, бездонные глаза с пугающими тенями, от которых сердце замирало. Его кожа была тёплой и пахла свежим хлебом, но стоило в нём проснуться внутренней мощи, как воздух в комнате мгновенно холодел, словно сквозь стены просачивались осколки ледяной ночи. Он ещё не умел говорить, но обычный хлопок детской ладошкой заставлял пыль кружиться в бешеном танце. Чашки на столе начинали мелко дрожать, а игрушки распадались на части и собирались заново,

будто само мироздание послушно перестраивалось под капризы младенца. Родители смотрели на это, не смея дышать. Они понимали: в нашей семье вспыхнула Искра.

Одни винили звёзды, утверждая, что Искры рождаются в моменты, когда мировой порядок даёт трещину; другие шептали о бездне и разрывах в ткани бытия. В древних трактатах описывались способы укрощения: рунные ленты, амулеты, песнопения, способные запереть чужую силу в камень.

Мы пробовали всё. Отец ночами ковал браслеты из особого сплава, надеясь направить стихийный поток в нужное русло, обшивал стены детской листами магической стали. Мама дополняла эти доспехи травами и тихими мантрами, стараясь унять мятежный дух малыша. Я же часами вглядывалась в воздух, выискивая следы магии — те тонкие, дрожащие нити, похожие на паутинку под тяжестью невидимой росы. И стоило им начать наливаться силой, я звала родителей, чтобы успеть предотвратить очередную вспышку.

Постепенно, утратив сон и покой, мы начали превращаться в бледные тени самих себя. Для соседей мы оставались идеальной, правильной семьёй, но дома жизнь превращалась в натянутую до предела струну. Мы почти перестали смеяться, ведь каждый громкий звук теперь мог стать началом катастрофы.

Страх витал между нами как серая тень. Это был страх неминуемой расплаты — мы знали, что в любой момент могут прийти они, Инквизиция. В их рядах были обычные люди — солдаты в серых плащах, безликие исполнители, чья сила заключалась лишь в стали и слепом подчинении. Но по-настоящему мы боялись других. Тех, кто стоял во главе отрядов — Одарённых, способных пробуждать силу «Рукописи Чистоты».

Для них эта книга была не просто священным писанием, а каталогом жесточайших пыток и подробным справочником по поиску «нечистых». Её страницы были наполнены тьмой и силой, превращаясь в заклинания, продиктованные ненавистью, которые Одарённые использовали против всего непонятного и неподвластного им. Испуганные горожане не смели противостоят, они лишь жаждали, чтобы любой росток инаковости был убит в зародыше, надеясь отвести беду от своих порогов и обеспечить себе безопасность.

Мы прятали Дамиана от слухов и чужих глаз: ставни на ночь, мамины заговорённые ленты над колыбелью, отцовские амулеты. Я шептала ему сказки под подушку, чтобы он рос в любви, а не в страхе.

Так шли недели и месяцы. Силы брата росли с каждым днём, раскрывая новые, пугающие грани его дара. Пока другие дети его возраста учились сидеть и ползать, он лёгким взмахом пальчиков создавал энергию из пустоты, словно строил куличики из невидимого песка. Так прошло три года тяжёлой работы и постоянного напряжения. Мы учили его тишине и контролю над собой, больше не приглашали гостей и не выходили с ним дальше своего сада.

Из старинных книг мы вычитали, что у Искр — не обычная магия, а, скорее, способность творить из ничего и стирать существующее. Их души черпали мощь в самой бездне, умудряясь извлекать свет из абсолютной пустоты. В них непостижимым образом уживались обе силы: созидательная энергия и первородный хаос. За такие дары платили жизнью, страх толкал людей на ужасные вещи. Таких детей уничтожали, даже не пытаясь понять их природу.

Но наш Дамиан был другим. В нём не было злобы, лишь безграничное любопытство ребёнка, познающего мир, — как, наверное, и в других Искрах, чью невинность никто не удосуживался заметить. Нам хотелось показать ему все красоты и возможности этой жизни, но его дар, словно проклятие, не давал даже помыслить о беззаботном будущем.

Мы собирали информацию по крупицам, словно шпионы, улавливая малейшие слухи о судьбах этих особенных детей. На базарах, в тени торговых рядов, люди шёпотом упоминали не только Инквизицию, но и нечто другое, куда более зловещее: «Театр Разбитых Звёзд». И в каждом рассказе, в каждом испуганном вздохе звучало одно и то же имя, ставшее нашим проклятием: Мортейн.

Кто он? Мучитель? Или безжалостный кукловод, превративший охоту на детей в кровавое искусство? Слухи об этом человеке пугали больше, чем костры Инквизиции. Поговаривали, что он ворует Искр для своего чудовищного шоу, выставя их таланты на потеху столичной элите. Богачи готовы были платить баснословные деньги за билеты, чтобы увидеть предсмертный блеск чужого дара, превращённый в театральное представление.

Но самым страшным было другое: шептались, что Мортейн не просто заставляет детей показывать фокусы, он буквально высасывает из них жизнь, превращая их чистую энергию в яркое, но мимолётное топливо для своих грандиозных шоу. Каждое такое выступление превращало ребёнка в иссушенную оболочку. Мы годами отмахивались от этих кошмаров, не желая верить, что подобное чудовище может существовать на самом деле.

Тяжесть воспоминаний окутала меня, словно плотное одеяло. Глаза сами собой начали закрываться. В полумраке гостиной я почувствовала, как тело обмякает, погружаясь в спасительный сон. Последней мыслью, прежде чем сознание окончательно ускользнуло, было понимание: кошмары, которых мы боялись, не просто слухи. Они реальны. И они придут за нами.

Глава 3

Я проснулась резко, не от звука, а от ощущения холода, пробирающего до костей. Тело ныло, затекшее от неудобной позы, голова гудела. В груди ворочался тяжёлый ком тревоги. Ноги сами бросили меня к детской, к его кровати.

В непроницаемой темноте моё Зрение различало малейшие всполохи силы. Для мамы и папы Дамиан был просто спящим ребёнком, для меня же — сверхновой звездой, заключённой в хрупкую оболочку. Я видела, как под его рёбрами пульсирует ослепительное белое марево, как тонкие золотистые нити дикой магии бьются в венах, рвутся наружу.

Внезапно он вскрикнул во сне — коротко, испуганно. И тогда волна разрушительной энергии, горячая и плотная, прокатилась по комнате.

Занавески на окнах вспыхнули синим пламенем и осыпались пеплом. По стенам, словно живые ядовитые змеи, поползли трещины. Наш уютный мирок рушился с каждым импульсом его неконтролируемой мощи.

— Тише, малыш... это просто сон, — прошептала я, замуриваясь от ослепляющего света.

Я взяла Дамиана на руки. Жар, исходивший от маленького тельца, прожигал одежду, оставляя на коже красные следы.

Осознание, что город уже проснулся, нагнало новую волну паники. «Колокола Чистоты» в соборе были чутки: каждый такой всплеск для них — вой сирены.

— Эйлин? — дверь скрипнула, впуская полоску тусклого света. Мама замерла на пороге, бледная, как полотно. — Опять?

Я лишь кивнула, не в силах оторвать взгляд от брата. Мама прижала ладонь к губам, сдерживая стон. Она была сильным Одарённым, могла заставить цвести сад посреди зимы, но сейчас её пальцы, привыкшие к нежной работе с растениями, тряслись без остановки. Она боялась собственного сына. Мы все его боялись. И этот страх был едким и густым, как дым от сгоревших занавесок.

И тут это случилось. Далёкий, низкий гул прокатился под землёй — настолько мощный, что посуда в буфете жалобно задребезжала, а пол под ногами заходил ходуном. Звук чугунного колокола, медленный, размеренный, как удар сердца умирающего великана. Он нёс с собой предвестие чего-то неотвратимого и ужасного.

— Колокола... — выдохнула мама, и в её голосе зазвенел холод. Она вцепилась в дверной косяк, чтобы не упасть.

Дамиан прижался и посмотрел на меня, но в его глазах не осталось ничего человеческого — только чистое, яростное, слепящее серебро.

Воздух в комнате сгустился, стал вязким, как смола, каждый вдох давался с трудом. Его любимые деревянные лошадки и раскрашенные солдатики взмыли вверх, закружились в безумном вихре и с сухим хрустом превратились в щепки.

Снаружи, сначала едва слышно, а затем всё отчётливее, нарастал тяжёлый топот копыт. Где-то внизу звякнула сбруя, и приглушённый голос скомандовал: «Оцепить дом!»

— Уходите! — закричал снизу отец, и в его обычно спокойном голосе слышалось чистое отчаяние. — Они у ворот!

Инквизиторы. Даже через толстые стены я видела их ауры — холодные, безжизненно-серые пятна, не имевшие ни тепла, ни чувств. Их было четверо, они двигались слаженно, как один организм. Их серебряные маски, отполированные до зеркального блеска, отражали искажённый лунный свет, превращая их в безликих призраков, явившихся вершить своё правосудие.

Удар в дверь прогремел, как пушечный выстрел. Дубовые створки, скреплённые железом, вылетели из косяка с жутким грохотом. В дом ворвался гулкий цокот сапог, звон доспехов, отрывистые команды, лишённые интонаций.

Я слышала, как они уже поднимаются в детскую, несмотря на попытки отца встать у них на пути.

— Именем Чистоты Магии, выдайте сосуд Пустоты!

Сердце ушло в пятки. Я вскочила с Дамианом на руках. Он стал ещё более обжигающе горячим, как кусок раскалённого металла. Его магия жгла мои ладони, но я не разжимала пальцев. Он плакал, его маленькие пылающие ручонки вцепились в мою рубашку.

В дверях детской возникли фигуры в плащах, ниспадающих тяжёлыми складками. Их лица скрывали маски, но я чувствовала этот взгляд — брезгливый, безжалостный, словно смотрящий на насекомое. Один из них поднял руку, и на кончиках его пальцев вспыхнули сферы «чистой» магии — слепяще-белые, жужжащие сгустки энергии, созданные для одного: оборвать связь навсегда. Стереть жизнь моего брата, как ошибку.

— Я не отдам его, — голос предательски срывался, а всё внутри сжалось в ледяной ком.

— Отойди, девчонка, — его голос был подобен скрежету лезвия по камню. — Не оскверняй себя прикосновением к Хаосу.

Я зажмурилась, прижимая Дамиана к груди так сильно, что, казалось, наши сердца бьются в унисон. Я ждала удара. Ждала боли.

Но вместо неё наступила абсолютная, гнетущая тишина. Даже плач Дамиана стих.

Открыв глаза, я увидела инквизитора, застывшего в неестественной позе: его рука, заряженная смертоносной белизной, тонула в живой тьме. Она пожирала свет магии, затягивая его без остатка, превращая человека в маске в неподвижную куклу.

Из тени в углу вышел он.

Высокий. Не просто высокий — властвующий над пространством. Древняя сила, искусно заключённая в форму безупречного человеческого тела. Чёрный камзол не отражал свет — он пожирал его, делая фигуру почти неосязаемой. Он даже не взглянул на застывшего инквизитора, тот словно перестал существовать. Всё его внимание принадлежало Дамиану. И в этом взгляде не было ни страха, ни удивления, лишь хищная оценка нового трофея.

— Редкая Искра, — произнёс он. Голос был низким, бархатным, но в нем скрывалась сталь. — Слишком ценная, чтобы скармливать её этим фанатикам в масках.

— Кто ты? — вырвалось у меня. Я попятилась назад, но тело будто не слушалось, скованное его присутствием, будто морозом.

— Тот, кто заберёт его, — ответил он и протянул руку в чёрной перчатке.

И тьма — живая, послушная ему стихия — рванулась вперёд. Она мягко, но неумолимо обвила Дамиана, словно кокон, и вырвала его из моих объятий с невероятной лёгкостью. Брат не вскрикнул. Его тело обмякло, серебристый свет в глазах погас, веки сомкнулись, и он безвольно повис в облаке мрака.

— Нет! — хриплый крик сорвался с моих губ. Я бросилась вперёд, движимая слепой яростью и ужасом.

Мужчина медленно повернул голову. Его взгляд скользнул по моему лицу, и я ощутила, как Истинное Зрение, мой дар, задрожал и на мгновение погас, ослеплённый чудовищной плотностью его существа. От него исходил холод абсолютного вакуума, всепоглощающей пустоты между мирами.

Затем он развернулся. Тьма за его спиной раскрылась, словно портал, образовав разрыв в бездну, где не было ни верха, ни низа. Он шагнул — и растворился в ней. Вместе с моим братом...

Инквизиция, подобно растревоженному улью, ещё несколько часов рыскала по городу. Их тяжёлые сапоги глухо стучали по брусчатке, а полные злобы взгляды из-под масок выискивали малейшую зацепку. Они искали того, кто посмел перейти им дорогу.

Нас допрашивали до самого утра, но всё же пока оставили в покое, под пристальным наблюдением. Взгляд капитана стражи говорил яснее слов: «Вы что-то знаете. И мы это выьем».

Но их угрозы теперь не имели значения: пустая кровать в соседней комнате жгла мой взгляд сильнее любой магии. Я опустила глаза на свои ладони — они покраснели, вздулись волдырями, след от жара тельца брата. Но я не чувствовала боли, только звенящую пустоту.

Страх сменился чем-то иным — острым, холодным, как обточенный клинок. Это была решимость.

Они забрали самое дорогое. Они — будь то Инквизиция в серебряных масках или тот незнакомец из теней. Неважно. Они забрали моего брата. А значит, мы должны что-то сделать. Я не дам ему погаснуть.

Тишина после бури гудела в ушах громче набата. Воздух в доме, ещё вчера пахнувший какао и лавандой с маминого платья, теперь был мертвенно-тяжёлым, пропитанным едким запахом гари и чуждым холодом, поселившимся глубоко в костях. Мой мир был разрушен, перемолот в пыль.

Родители, словно два призрака, бродили по руинам гостиной, не в силах прикоснуться к тому, что осталось от их жизни. Отец, чья спина всегда была пряма как клинок, а руки тверды и уверенны, теперь стоял с поникшими плечами. Его сила, всегда такая осязаемая, растворилась в дыму. Мама застыла у камина — неподвижная, с белыми от пыли пальцами. В руках она сжимала обломок деревянной лошадки, единственное, что уцелело от колыбели Дамиана. Слёзы на её щеках высыхали, не успев скатиться, оставляя грязные дорожки. Она будто окаменела от поглощающего её горя.

Я медленно поднялась по лестнице, каждый шаг отдавался гулким эхом в опустевшем доме. Дверь в детскую висела на одной петле. Внутри царил хаос, будто через комнату пронёсся не ветер, а сама ярость. Игрушки, книги, кружевные занавески — всё было изорвано, разбросано, опоганено сажей и магическим налётом, который простой глаз не видел, но для моего Истинного Зрения он клубился в воздухе ядовитым сиреневым туманом.

Среди щепок, в центре комнаты, лежал осколок большого зеркала. Я наклонилась и подняла его. В отражении на меня смотрела незнакомка. Рыжие волосы спутались в колтуны и были грязными от копоты, на бледной коже проступали синяки и ссадины, а пятна сажи казались ритуальной раскраской скорби. Но глаза... Глаза, в которых отец всегда шутиливо искал «лесную мудрость», теперь были просто двумя глубокими, тёмными озёрами. В них не было ни мысли, ни страха, ни жизни.

— Илай, что же мы теперь будем делать? — голос матери был безжизненным, она смотрела в стену, словно там скрывался ответ.

Отец медленно поднял голову. В его глазах, потухших от горя, разгорался огонь решимости.

— Мы найдём его, — его голос был низким, но в нём не осталось и тени сомнения. — Вы соберёте припасы, а я пойду по следу, даже если он ведёт в ад.

— Нет. — Я спустилась вниз, всё ещё сжимая холодный осколок зеркала. Он впился в ладонь, и эта боль помогала держать голос ровным. — Ты не найдёшь его. Ты видел, как он ушёл? Это не простые следы на земле. Он ушёл сквозь тень. Через изнанку мира. Твоя сталь, твоя ярость — они бессильны против того, чего нельзя коснуться.

— Так что же ты предлагаешь? — Отец резко обернулся ко мне. В его позе не было вызова, только готовность к бою. — Просто сидеть и ничего не делать?

— Я пойду. — Я сделала шаг вперёд, глядя прямо на него. — Для тебя его след — это просто воздух. А для меня... — Я перевела взгляд в пространство над развороченным порогом. — Для меня его магия висит в воздухе, как чернильный шлейф в чистой воде. Зловещий и ясный. Только я могу увидеть, куда он увёл Дамиана, а ты пройдёшь мимо его двери и не заметишь.

— Нет, ты не пойдёшь. — Он не повысил голос, но эти три слова прозвучали как приговор. Он подошёл вплотную, и его тень накрыла меня. — Ты — моя дочь. Я не переживу потери двоих детей. Ты даже не представляешь, что там! Ты не боец. У тебя нет ни клинка, ни нормальной магии!

— У меня есть дар! И он мне поможет. — Я не отступала. — А твоя сила бесполезна там, куда мне придётся идти.

Мать глухо всхлипнула, не зная, чью сторону принять.

— И что ты сделаешь, когда найдёшь его? — Отец схватил меня за плечи, и в его пальцах дрожала не ярость, а ужас. — Что ты сделаешь, Элли?

Я замолчала. Внутри всё оборвалось и замерло. Он был прав. Что я могла? Простая девушка, чей единственный дар — видеть то, что другие предпочли бы не заметить. У меня не было оружия, не было заклятий. Только глаза, да этот леденящий ком страха под сердцем. Что я сделаю? Упаду на колени? Буду умолять о пощаде? Или просто рассыплюсь, как пепел, от первого же его взгляда?

— Я... я не знаю, — честно ответила я.

— Вот и я о том же, — вздохнул он. — Именно поэтому ты никуда не идёшь.

Он потёр переносицу, будто уже прочерчивая план в голове. Его плечи, обычно такие широкие и надёжные, теперь казались согнутыми под грузом невозможного выбора.

— Лаэта, помоги мне собрать вещи, — произнёс он, и в его голосе прозвучала усталость, которую не могли скрыть никакие маски.

Я посмотрела на осколок зеркала в руке. На отражение чужого лица, искажённого горем и страхом. И в глубине этих чужих глаз вспыхнуло знание — холодное и неопровержимое. Идти должна я.

Глава 4

Рано утром, когда первые лучи солнца ещё только робко пробивались сквозь разбитое окно, я выскользнула из дома. На кухонном столе лежала записка. Не прощание — это было бы слишком жестоко, — а всего два слова: «Ищу. Вернусь». Этого было достаточно.

В походную сумку легло самое необходимое: немного еды, сменная одежда и пара драгоценных бутылочек маминого заживляющего отвара. Денег у меня было в обрез, да и что значили жалкие монеты против того чудовища, что унесло моего брата?

Дверь закрылась с тихим щелчком — звук, поставивший точку в прошлой жизни. Я шла по опустевшим улицам, стараясь не думать о том, что оставила позади, о лицах родителей, обнаруживших мой побег.

Каждый шаг отдавался эхом в тишине, напоминая о хрупкости мира, который мы так старательно пытались сохранить, но теперь всё было разрушено, и единственное, что оставалось, — это идти вперёд, в неизвестность.

Леману я не сказала ни слова. Я знала его слишком хорошо: он бы не просто меня не отпустил — он бы запер в клетке своей удушающей «заботы», которую я возненавидела бы до конца своих дней. Но судьба, как всегда, имела на меня свои планы.

Спускаясь по пустынным, ещё сонным улицам в сторону порта, я увидела его. Леман шёл мне навстречу. Его обычно сияющие голубые глаза выглядели потухшими. Во всём его теле чувствовалось непривычное, пугающее напряжение, будто он готовился к бою, из которого не надеялся выйти живым.

— Эйлин... — он подошёл ко мне, но не обнял, не поцеловал, просто стоял, будто подбирая слова. Взгляд его был полон вины.

И тут я поняла. Он рассказал отцу, и Вальтер направил к нам своих цепных псов. Вспышка Дамиана могла остаться незамеченной, но какое это уже имело значение?

— Это был ты... — выдохнула я.

Слова повисли в холодном утреннем воздухе — тяжёлые, ядовитые, немыслимые. В тот миг моё сердце не просто разбилось — оно словно превратилось в ледяные осколки, застрявшие в груди.

— Элли... — его голос сорвался на шёпот. Он протянул руку, но я отшатнулась, как от змеи. Это движение, инстинктивное, полное ужаса, нанесло ему больший удар, чем любой крик.

— Прости меня, я не... я не должен был. Но попробуй понять: ты была в опасности, вся твоя семья была в опасности! — Он схватился руками за голову, будто пытаясь выдавить оттуда правоту своих слов. — Я не мог этого больше выносить! Ты наивно полагала, что вы сможете уйти и жить где-то в глуши или в бегах, пытаясь спасти то, что может убить тебя в любой момент?! И ты думала, что я так просто с этим смирюсь?! Что я буду стоять в стороне и наблюдать, как ты идёшь на верную смерть?!

Он сделал шаг вперёд, и в его глазах, помимо мольбы, вспыхнула отчаянная ярость человека, совершившего ужасное во имя любви и теперь проклинаящего и её, и себя. Леман вцепился мне в предплечье.

— Останься, — прошептал он, и его голос вдруг стал потерянным. — Пожалуйста... Я знаю, ты не простишь меня, но если эта ненависть — цена твоей жизни... то я готов с этим смириться.

Я почувствовала жжение в глазах, но изо всех сил сжала челюсти, запрещая себе плакать. Я не могла позволить себе развалиться сейчас.

В этот момент я ощутила такую бездну новых, чудовищных эмоций, каких не знала за все свои годы. Обжигающая ярость смешивалась с тошнотворным отвращением к его оправданиям, с холодным ужасом от того, что человек, которого я любила...

Собрав всю волю в кулак, я молча обошла его, бросив самый презрительный и холодный взгляд, на который была способна.

Леман что-то говорил мне вслед, но я уже не слушала. Я бросилась прочь, в сторону порта. Нельзя было тратить время на злость или осознание катастрофы — всё это догонит меня позже, в пути. Сейчас надо было бежать. От дома. От прошлого. От человека, который разбил моё сердце, убеждая, что делает это ради моего же блага.

Сейчас мне нужен был корабль. Но прежде чем солёная вода навсегда отрежет меня от прошлого, я должна была сделать последнюю вещь: попрощаться с теми, кто всё ещё оставался мне дорог. С теми, кого я, возможно, больше никогда не увижу.

Узкие улочки города, ещё окутанные предрассветной дымкой, казались чужими и враждебными. Каждый мой шаг отдавался гулким эхом, которое перемешивалось с обрывками воспоминаний: голос Лемана, смех Дамиана, тепло нашего дома...

Я шла к «Пьяному Грифону», зная, что Финн и Ная должны быть там, готовясь к открытию.

Дверь таверны распахнулась с привычным надрывным скрипом. В лицо ударил запах дешёвого эля, терпкого табака и родного запаха моей прошлой жизни, которая теперь казалась такой далёкой и недостижимой.

Финн стоял за стойкой, методично протирая стаканы. Смуглый, с острыми скулами и вечно растрёпанной копной тёмных волос, он выглядел непривычно серьёзным.

— Ну и ну, — протянул он. — Куда это ты собралась в такую рань, да ещё и с дорожной сумкой?

Я попыталась улыбнуться, но губы словно онемели.

— Зашла попрощаться, Финн.

Он замер, выронив тряпку, и медленно поднял голову, глядя на меня. В этот момент из дальнего угла, где обычно прятались влюблённые парочки, выскочила Ная. Её длинные тёмные волосы разметались по плечам, а в глазах плескался чистый ужас. Она бросилась ко мне, обнимая так крепко, что из лёгких выбило воздух.

— Ты уходишь? — прошептала она мне в плечо. — Расскажи нам... Мы слышали колокола Инквизиции и чуть с ума не сошли от неизвестности.

Я кратко рассказала о нападении «чистильщиков» и о том чёрном вихре, который забрал Дамиана.

— И Леман... — добавила я, и мой голос всё же дрогнул от новой вспышки горечи. — Он предал нас. Это он всё им рассказал.

Финн с такой силой ударил кулаком по стойке, что стаканы на полках испуганно звякнули.

— Этот... чистоплюй! Ублюдок! — выплюнул он. — Я всегда знал, что его «святой долг» и отцовские правила когда-нибудь встанут между вами. Но чтобы так...

Ная ахнула, закрыв рот ладонью, и её глаза мгновенно наполнились слезами.

— Леман... Как он мог? После всего, что было?

Я лишь печально кивнула, не в силах произнести ни слова, и этот кивок был тяжелее любой исповеди.

— И ты собираешься искать его? — Финн облокотился на стойку, глядя на меня в упор. Его обычная ирония исчезла, уступив место неприкрытой тревоге. — Эйлин, при всём уважении... Ты — это ты. Твой единственный боевой навык проявляется только тогда, когда мы напиваемся и играем в дартс. Я до сих пор гадаю, как тебе удаётся попадать в самый центр

мишени с закрытыми глазами. Но я сильно сомневаюсь, что ты планируешь одолеть своего Колдуна из Теней с помощью дротика.

— Я не собираюсь его убивать, Финн, — огрызнулась я, хотя в глубине души была благодарна ему за попытку разрядить обстановку. — Я просто должна вернуть брата. Я чувствую... чувствую его. Моё Истинное Зрение не просто показывает мне нити магии, оно тянет меня за Дамианом. Весь этот след из теней ведёт в столицу. В Этерию. Он там, я уверена.

Ная вытерла слёзы и решительно шагнула ко мне. Её голос стал тихим и твёрдым.

— У меня есть кое-что для тебя. Я взяла это, как только услышала колокола. Сердце подсказало, что тебе это понадобится.

Она вытащила из-за пояса изящный нож в простых кожаных ножнах. Когда она обнажила клинок, я затаила дыхание: сталь была покрыта тончайшей вязью рун, которые едва заметно пульсировали мягким серебристым светом.

— Это подарок моей бабушки, — Ная вложила рукоять в мою ладонь. — Она говорила, что это «кинжал, который найдёт свою цель». Руны заговорены так, что Вселенная поможет, когда это будет нужно. Вроде как, они будут вести тебя, если ты будешь следовать своему сердцу. Бабушка всегда говорила, что даже у самых обычных людей есть своя магия, нужно только уметь её слушать.

Я сжала рукоять. Кинжал был лёгким и идеально сбалансированным, словно он всегда был частью моей руки. Первый настоящий инструмент моей новой, пугающей жизни.

— Спасибо, — прошептала я, глядя на друзей.

Финн скептически вскинул бровь, но всё же взял нож из моих рук, чтобы рассмотреть его поближе. Он повертел его, проверяя балансировку, и в тусклом свете ламп руны на лезвии отозвались призрачным мерцанием.

— Ну что же, если Вселенная предпочитает решать проблемы с помощью стали, пусть будет так, — он вернул кинжал Нае, а та бережно вложила его в мою ладонь. — Но помни, Эйлин: если что-то пойдёт не так... просто возвращайся. Мы будем ждать тебя, сколько бы времени ни прошло. И, пожалуйста, не пытайся строить из себя героя. Просто... останься живой.

— Я верну Дамиана, — ответила я, глядя им в глаза. В этот момент во мне не было сомнений, только холодная, как остриё ножа, решимость.

Ная снова притянула меня к себе и обняла.

— Я знаю, что ты справишься, Элли. Ты всегда находила выход там, где другие видели только тупик. Помнишь, как мы заблудились в Чёрном Лесу, когда нам было по десять? Мы тогда ревели от страха, а ты вывела нас к тропе, потому что «видела, куда идти». Твоё зрение никогда тебя не обманывало. Доверься ему и сейчас.

Финн коротко кивнул, а его лицо на миг исказилось от боли, которую он так старательно прятал за иронией.

— Иди, — хрипло сказал он. — Иди и возвращайся. Только обязательно возвращайся.

Я шагнула к двери, чувствуя на спине их взгляды — тяжёлые, полные любви и невысказанного страха. На пороге я на мгновение замерла, вдыхая запах эля и старого дерева, стараясь запечатать его в памяти. Я знала, что за этой дверью меня ждут лишь туман и полная неизвестность.

До столицы было около трёх дней пути по воде, и мне нужно было как можно скорее попасть в Этерию, пока магический след Дамиана окончательно не остыл.

Моё Зрение уже начало рисовать в воздухе едва заметную, дрожащую нить, уходящую далеко на север — к сияющим и проклятым шпилям Этерии.

Я толкнула тяжёлую дверь таверны и вышла, не оборачиваясь. Путь начался.

Глава 5

Дорога к порту оказалась тяжелее, чем я предполагала. Каждый шаг, отдалявший меня от дома, отзывался в груди тянущей болью. Голова гудела от тревожных мыслей и смутных предчувствий. Я никогда прежде не покидала наш тихий и уютный остров, и сама мысль о том, что я, возможно, никогда не вернусь, обжигала леденящим ужасом. Страх, словно тысячи тонких игл, пронзал мышцы, делая ноги неподъёмными.

Все мои знания о мире ограничивались лишь общими представлениями, и я не могла даже представить себе его истинные масштабы. Тысячи островов, связанных между собой сетью маршрутов. Некоторые располагались настолько близко, что достаточно перейти по мосту, другие же отделяли долгие дни пути по бескрайнему океану.

Что меня ждёт там, на другом конце пути? Я пыталась представить себе столицу, опираясь на книжные картинки и байки бывалых моряков, но в голове возникал лишь хаотичный калейдоскоп образов.

Столица, Этерия, представляла собой огромный остров — величественную Гору Стихий. Я слышала, что её вершина, постоянно окутанная лёгкой дымкой, словно парила в небесах, а по склонам, подобно ступеням огромной лестницы, расползались террасы города. Три уровня. Три мира, нанизанных на одну гору и разделённых пропастью глубже любой бездны.

На самом верху, среди хрустальных шпилей и висячих садов, где воздух был чист и напоён ароматами экзотических цветов, жила элита. Их дома, возведённые из белого камня и сверкающего металла, ослепляли великолепием, а по улицам, вымощенным мрамором, бесшумно скользили экипажи. Там никто не знал ни голода, ни грязи — только лёгкость бытия, вознесённая так высоко, что шум нижних ярусов не долетал даже намёком.

Ниже, в лабиринте узких каменных улочек, обитали ремесленники и торговцы — те, кто ещё мог позволить себе прочность и добротность. Их дома стояли плотно, стена к стене, а рынки кишели людьми, наполняя воздух шумом голосов и тяжёлым духом пота и пряностей. Здесь жизнь кипела, но уже чувствовалась её изнанка — вечная гонка за завтрашним днём, от которого отделял только шаг вниз.

А между вторым ярусом и портом простирался дикий пояс — густой лес, вцепившийся корнями в каменистые склоны, и изрезанная скалами дорога. Путь через него до первого уровня занимал не один день. Будто сама гора не желала, чтобы те, кто живёт внизу, слишком легко поднимались наверх.

У самого подножия, где город сливался с грязью и суетой порта, жались друг к другу лачуги бедняков, сколоченные из дерева и глины. Там царили нищета и порок, о которых говорили лишь шёпотом, да и то за закрытыми дверями. Внизу клубился густой туман, скрывая нижние ярусы и создавая иллюзию, будто Этерия парит в облаках, не касаясь земли.

Эта строгая иерархия — мир, где каждый шаг предопределял твою судьбу, — приводила меня в ужас. И теперь мне предстояло окунуться в эту чуждую реальность, испытать её на себе.

Но сначала нужно было туда попасть. И первый шаг на этом пути был самым простым и самым грубым. Шум приближающегося порта вывел меня из оцепенения. Это была обитель купцов, контрабандистов и распутных женщин, поджидающих моряков в надежде на лёгкую наживу.

Я остановилась на мгновение возле прилавков торговцев на набережной, не в силах оторвать взгляд от ярких тканей и заморских диковинок. Повсюду сновали оро — маленькие, юркие существа с большими умными глазами и длинными, невероятно ловкими пальцами. Их шерсть, сливающаяся с окружением, делала их почти невидимыми, а кошачьи мордочки с острыми ушками придавали им озорной и лукавый вид. Они славились своей способностью

незаметно вытаскивать кошельки из карманов и снимать драгоценности с самых бдительных владельцев, не оставляя и следа.

Я крепче прижала свои пожитки к груди, чувствуя, как по спине пробегает неприятный холодок, и двинулась дальше, надеясь, что мой путь не пересечётся с этими проворными созданиями.

К моему удивлению, большая часть кораблей оказалась пуста. Они, судя по всему, уже выгрузили товары, а оставшиеся пассажиры лениво прогуливались по набережной, очевидно, пытаясь оправиться от долгой морской качки.

Следуя за тонкими, едва заметными магическими нитями, тянувшимися от кораблей, я свернула в узкий переулок и через несколько минут оказалась перед таверной, откуда доносились громкая музыка, пьяный смех и едкий запах дешёвого алкоголя. Чего и стоило ожидать от притона контрабандистов... Засаленная ручка двери не внушала доверия, но, собрав остатки мужества, я плотнее запахла свою старую кофту и вошла внутрь.

Оглушительный грохот музыки и густой табачный дым мгновенно обволокли меня, стоило только переступить порог. Бар представлял собой хаотичное скопление грязных столов, вокруг которых сидели постоянные посетители, тонущие в парах дешёвого пойла. Здесь царила атмосфера разврата и беззакония, вполне соответствующая репутации этого места.

Стараясь быть как можно более незаметной, я проскользнула к барной стойке и взгромоздилась на высокий деревянный стул. За стойкой возвышался старый бармен: его лицо с жёсткой щетиной испещряла сетка морщин, а покоричневевшие от крепкого табака пальцы нервно теребили грязную тряпку. Шляпа на растрёпанной седой голове явно видела лучшие времена, как и сам этот прокуренный кабак. Его взгляд, цепкий и оценивающий, словно сканировал меня с головы до ног. Видимо, посетители с глазами, не пожелтевшими от дешёвого эля, были редкостью в этом забытом богом месте.

Я подозвала его и попросила налить мне лавандового пива. Наивная... Бармен залился громогласным хохотом, обнажая неровные жёлтые зубы.

— Лавандовое пиво? Может, тебе ещё сливового ликёра налить? Смешная девка... У нас тут только чёрный эль и ром, который больше пригоден для растопки печей, чем для твоего нежного желудка.

Я вздохнула, понимая, что с выбором напитков здесь не разгуляешься.

— Чёрный эль, пожалуйста, — произнесла я, стараясь скрыть разочарование, пока бармен, не переставая ворчать, наливал мне кружку тягучего пойла. — А кто-то сегодня ещё отправляется в Этерию?

Бармен окинул меня равнодушным взглядом и буркнул.

— В столицу? Сегодня? Нет, милая, все корабли ушли утром. Сейчас только разгружаемся.

Обречённо вздохнув, я уж было собралась уходить, но тут в разговор вмешался чей-то пьяный голос из-за спины.

— А вот Арас вроде собирался... если, конечно, сможет продрать глаза и выпутаться от этих липучек.

С этими словами он кивнул в сторону одного из углов бара.

Там, словно на пьедестале среди руин, восседал молодой мужчина. Он сидел, откинувшись на спинку стула, с непринуждённой грацией, которая выдавала в нём человека, привыкшего к любым условиям. Его тёмные, слегка растрёпанные волосы отбрасывали красноватые блики от свечей. Из-под распахнутой шёлковой рубашки виднелся рельефный загорелый пресс, словно вылепленный искусным скульптором. На шее болтался кулон, напоминавший капсулу с кроваво-красной жидкостью, которая бурлила и искрилась, будто живой огонь.

Взгляд его был острым и пронизательным, а в уголках губ играла лёгкая, чуть насмешливая улыбка. В его облике чувствовалась какая-то дикая, необузданная энергия, смешанная

с хитрой уверенностью в себе. Он казался воплощением опасности и притягательности одновременно.

На его пальцах красовались перстни с огромными сапфирами и рубинами, чей блеск невольно приковывал внимание. Я же сразу обратила внимание на простую серебряную печатку с замысловатой гравировкой. Когда мой взгляд задержался на ней, он тут же убрал руку за спину портовой шлюхи, сидевшей на подлокотнике его кресла, напоминавшего старый обшарпанный трон.

Весь его образ сквозил небрежностью, но в то же время изысканностью. У парня явно был хороший вкус и водились деньги. Он оценивающе оглядывал весь окружавший его сброд и каждым своим жестом показывал, что его место в высшем обществе, а не среди этих пьянчуг.

Сделав глоток из кружки, он посмотрел на меня.

— Эрл! — гаркнул он, обращаясь к бармену. — Ты опять прогулял все деньги, и у нас не осталось средств, чтобы нанять девочек поэлегантнее?

Бармен недовольно скривился.

— Слышь, Арас, ты бы помолчал! Я, между прочим, тебя тут пою и всегда могу плюнуть в твой стакан!

Арас усмехнулся и перевёл взгляд на меня.

— Так, красавица, и что же ты тут забыла? Не похожа ты на местную бабочку. Или Эрл совсем обнищал, и теперь берёт кого попало?

Я смерила его презрительным взглядом. Этот наглец с отполированными манерами был слишком высокого мнения о себе.

— Мне нужно в столицу, — отрезала я, стараясь сохранить спокойствие, — и я ищу корабль.

Арас приподнял бровь, оценивая меня с головы до ног.

— В столицу, говоришь? Что ж, какое совпадение. Я тоже собираюсь туда. Слушай, зачем тебе искать ещё кого-то? Поплывёшь со мной. Будет весело — четыре дня в моей незабываемой компании!

— Я не уверена, что хочу веселиться в твоей компании, — парировала я, стараясь не выдать волнения.

Его взгляд был слишком пристальным, словно раздевал меня донага. Арас расхохотался. Его смех был низким и хриплым, в нём чувствовалась какая-то зловещая нотка.

— О, да брось, — сказал он, вставая со своего кресла. — Неужели ты думаешь, что у тебя есть выбор? В этом городе тебе придётся плыть с тем, кто предложит лучшие условия. А я, поверь мне, могу предложить очень интересные условия. Что скажешь, красавица?

Я колебалась. С одной стороны, он был наглым и самоуверенным типом, от которого хотелось держаться подальше. С другой — он был единственным, кто мог доставить меня в столицу. И время поджимало.

— Что ты хочешь взамен? — спросила я, стараясь держаться как можно более непринуждённо, хотя внутри всё сжималось от ужаса.

Арас ухмыльнулся, и в его глазах мелькнул огонёк, который я не могла распознать. Он выдержал паузу, словно смакуя моё нетерпение.

— О, я хочу так много... — Он чуть наклонил голову, разглядывая меня. — Но начнём с малого. Просто составь мне компанию в путешествии. Расскажешь мне истории, посмеёшься над моими шутками. Я слышал, что дамы приносят удачу на море. Что скажешь? Рискнёшь?

Глава 6

«Рискну ли я?» — мысль, словно осколок льда, кольнула сознание.

Впрочем, был ли у меня выбор? Ожидание других капитанов до завтра не гарантировало избавления от скверного общества — напротив, могло обернуться ещё большей бедой. Собрав остатки самообладания, я безмолвно кивнула, чувствуя, как внутри нарастает ком отвращения.

Арас, довольно хмыкнув, плюхнулся обратно в кресло. Он бесцеремонно отхлебнул из кружки, одновременно шаря под платьем у расфуфыренной девицы, рассевшейся на подлокотнике словно павлин перед зеркалом.

Ярость вспыхнула во мне, горячим пламенем пожирая остатки самообладания. Во-первых, время — это жизнь моего брата. Во-вторых, я терпеть не могла ждать. А в-третьих, этому похотливому ублюдку явно доставляло извращённое удовольствие видеть моё раздражение.

— Может, уже отправимся? — не выдержала я. Голос прозвучал резче, чем я планировала.

— Мы ждём прилива, куколка, — лениво протянул Арас, будто говорил с надоедливой мухой. — А пока можешь допить свой кислый эль и молча завидовать моей компаньонке... или составить ей конкуренцию, если хватит смелости.

Шлюха ехидно хихикнула, извиваясь под его настойчивой рукой, словно змея, околдованная флейтой заклинателя.

Время тянулось мучительно медленно, словно патока, просачивающаяся сквозь пальцы. Каждые десять минут я украдкой поглядывала в грязные, коричневые от сигаретного смога окна, мечтая, чтобы проклятое солнце наконец начало свой путь к горизонту, возвещая о приближении прилива.

Арасу, казалось, тоже наскучили его девицы, в его взгляде читалась скука, точь-в-точь как у хищника, насытившегося добычей.

Внезапно он резко встал. Девушка, потеряв равновесие, чуть не свалилась с подлокотника и обиженно пискнула, но Арас даже не удостоил её взглядом.

— Пошли, — скомандовал он, не глядя на меня. — Пойдём медленно. Мне нужно подышать бризом и немного протрезветь. А тебе не мешает проветрить свою рыжую копну. Или ты всерьёз думала, что я пушу тебя на свои шёлковые простыни, когда от тебя несёт как от портового грузчика?

Я украдкой уткнулась носом в свои волосы и поморщилась от ощущения духоты и затхлости. Подметив это, его губы искривились в самодовольной ухмылке.

Наконец мы вышли на улицу. Свежий, солоноватый воздух, пахнувший водорослями и дальними странствиями, обжёг лёгкие, словно глоток ледяной воды после долгой жажды. Я почти побежала в сторону порта, предвкушая скорый отплыт. Арас плёлся позади, вальяжно покачиваясь, словно всё время мира принадлежало только ему. Каждый его шаг был намеренно медленным — будто он ждал, что я сорвусь и устрою сцену, дав ему ещё один повод для издевок.

— Эй, красотка! — крикнул он мне в спину. — Можешь не бежать так сломя голову. Мне, конечно, приятно наблюдать за твоей сочной задницей, особенно после городских кисейных барышень, у которых ноги тоньше спичек. Но без меня ты всё равно не сможешь скомандовать «полный вперёд»!

— Моя задница тебя не касается, — огрызнулась я, не оборачиваясь. — А твоей стоило бы шевелиться активнее, если не хочешь пропустить прилив.

Небо уже начало заливаться вишнёвыми оттенками, предвещая скорое наступление ночи.

«Потерпеть этого мерзавца ещё немного, — уговаривала я себя. — А затем проскользнуть на корабль, запереться в каюте и не видеть его наглую рожу до самого прибытия. Запасов еды и воды должно хватить».

Наконец мы подошли к причалу. Среди внушительных торговых судов и маленьких рыбацких лодок выделялся один небольшой корабль, отличавшийся чрезмерно вычурным убранством. Он казался цирковой лошадью, покрашенной в неестественные, кричащие цвета, среди диких жеребцов.

Отделка из красного дерева, позолота, витиеватые узоры. На борту вычурными золочёными буквами было выведено название — «Теана». Галюнная фигура в виде пышногрудой хохочущей женщины с зелёными, сверкающими рубинами вместо глаз, казалось, подмигивала мне, словно знала какой-то грязный секрет.

Естественно, Арас направился именно к нему. И почему я ничуть не удивлена? Какой хозяин — такой и корабль.

Арас крепко схватил меня за локоть и потащил за собой, заметив, как я с отвращением рассматриваю гротескный силуэт женщины. Его хватка была неожиданно сильной — пальцы впились в мою руку, словно клещи.

— Я же говорил, что мне нравятся женщины с формами, — усмехнулся он, его дыхание опалило моё ухо. — А ты, к сожалению, явно не дотягиваешь... по крайней мере, в верхней части.

Я фыркнула, стараясь высвободить руку. Самодовольный козёл. Пусть язвит сколько хочет, главное, чтобы довёз меня до нужного места. А там он может катиться ко всем своим пышным шлюхам и беспробудному пьянству.

Поднявшись на борт, я невольно ахнула. Всё здесь выглядело как настоящее произведение искусства, пусть и изрядно потрёпанное и изъеденное ветром и солью. Но это лишь придавало кораблю особый шарм, не делая его менее прекрасным и искусным. На борт не спеша начали подтягиваться матросы, отвязывая тросы и распуская паруса, чтобы подставить их под порывы восточного ветра. Их движения были отточены и слажены, они будто не замечали нас, поглощённые своей работой.

— Может, хоть соизволишь сказать, как тебя зовут? — прервал мои размышления Арас, его голос звучал чуть мягче, чем обычно.

— Эйлин. И мне хотелось бы поскорее добраться до своей каюты.

— Каюты? — расхохотался он. — Элли, это торговый бриг, а не круизный лайнер для неженки! Ты можешь спать в каюте капитана или в трюме с крысами. В последнем случае есть один большой плюс — там столько отличного вина, что ты можешь напиться и не почувствовать, как по тебе будут сновать их маленькие лапки. Или, может быть, тебе понравится делить койку с захудалым матросом, мечтающим о таком сокровище?

Я ненавидела крыс, но его шуточки и сальные взгляды ещё сильнее. И план с вином уже не казался мне таким уж плохим.

— Я не намерена терпеть твоё общество всё путешествие, — выпалила я, стараясь скрыть дрожь в голосе. — Лучше уж подружусь с крысами!

Лицо Араса озарила неподдельная улыбка, отчего глаза хитро прищурились, а в уголках залегли глубокие морщины.

— Договорились, Элли, — протянул он, лукаво глядя на меня. — После полуночи постучись в мою каюту три раза, и я подумаю, стоит ли пускать тебя в свою тёплую постель.

Самоуверенный осёл.

Малиновый закат сменило чернильное небо, усыпанное миллионами ярких звёзд и полной луной, похожей на гигантское блюдо из молочного золота. Я и раньше любила смотреть на небо, но такого зрелища мне ещё не доводилось видеть. В городе свет звёзд всегда застилали фонари, здесь же оно казалось бескрайним, завораживающим и глубоким, как омут. Вдоволь

налюбовавшись небесными видами и изрядно замёрзнув, я решила, что пора устраиваться на ночлег.

Спустившись в трюм, я не испытала того ужаса, которого ожидала. Пол был застлан соломой, вдоль стен стояли бочки с вином, а на крюках, покачиваясь от волн, висели тюки с вялым мясом и сырами. Запах плесени и вина смешивался с запахом соли, создавая странную и притягательную атмосферу. Видимо, крысы всё-таки водились — иначе зачем было подвешивать провизию. Но здесь было сухо, насколько это вообще возможно на корабле, и не было ветра.

Сгребая в кучу побольше соломы, я соорудила себе некое подобие кровати и, обессиленная долгим днём, рухнула на неё, провалившись в мёртвый сон.

Проспав совсем немного, я резко проснулась. Не от холода и не от крыс, а от пугающих звуков. Словно кто-то скользил когтями по деревянным стенкам корабля.

Звук исходил снаружи, со стороны воды. Поджав колени к груди, я начала прислушиваться. Холодное ощущение первородного страха опутало всё тело, словно ледяные щупальца. Скрежет становился всё сильнее, теперь он сопровождался тихим, утробным рычанием. Существо начало стонать, и мне показалось, что я могу различить отдельные слова, но, возможно, это была лишь игра моего напуганного воображения. Оно как будто чуяло тепло моего тела и отчаянно хотело добраться до добычи. По трюму начали метаться в панике грызуны, и пара из них даже умудрились укусить меня за ногу.

Я вскрикнула, а существо за бортом, убедившись, что я рядом, начало бешено скрестись и выть, пытаясь пробраться внутрь. Не в силах больше выдерживать навалившийся на меня ужас, я выскочила на палубу, едва не подвернув ногу на скользких ступенях.

К моему удивлению, Арас стоял там, в окружении матросов. Меня встретили бурными аплодисментами и взрывами пробок от бутылок игристого. В лунном свете лица матросов казались искажёнными, а в глазах плясали безумные огоньки.

— А ты смелее, чем я думал, Элли, — смеялся Арас, похлопывая меня по плечу. Удар был неожиданно сильным, почти болезненным. — Продержалась аж целых тридцать шесть минут! Я ставил на пять и теперь должен этим обормотам по золотому! Обычно «морская тварь» доводит наших редких гостей до истерики за гораздо меньшее время. Это наша маленькая корабельная традиция.

Он кинул мешочек с деньгами двум мальчишкам лет шестнадцати, видимо, недавно поступившим на службу. В их глазах светился восторг, смешанный с восхищением.

— А теперь я пойду спать, — зевнул Арас. — И буду ждать твоего стука, Элли. Советую не испытывать судьбу у матросов. Я плачу им недостаточно, чтобы в каждом порту у них хватало денег на приличных шлюх. К тому же, кто знает, какие ещё «морские твари» водятся у них в штанах?

Он развернулся и, насвистывая какую-то непристойную мелодию, направился к своей каюте, оставляя меня в окружении пьяных мужчин и леденящего ужаса, затаившегося в ночных водах.

Арас скрылся из виду, а матросы немедленно принялись перешёптываться и хихикать, явно восхищаясь колкостями своего капитана. Полчаса я простояла на палубе, стараясь унять накатывающую злость и зачарованно наблюдая за сопровождающими корабль маленькими светящимися существами. Высоко выпрыгивая из воды, они игриво демонстрировали огромные глаза и длинные плавники, напоминающие крылья. Их кожа, покрытая мелкими чешуйками, переливалась всеми оттенками белого опала. Я замерла, протянув руку, пытаясь коснуться одного из них, но, заметив моё присутствие, они скрылись в тёмных глубинах, оставив меня в одиночестве.

Ущемлённая гордость не позволяла мне подняться в каюту к Арасу, но пронизывающий холод и ледяной ветер, превращавший капли начинающегося дождя в острые копыя, не оставили мне выбора.

«Всего несколько дней...» — твердила я себе, пытаюсь унять дрожь.

Немного терпения, и я достигну цели. Это лучше, чем продрогнуть, заболеть и умереть, не добравшись до столицы... Сжав кулаки, я подошла к лестнице с резными перилами, ведущей в покои его «ублюдского величества». Поднявшись, я постучала, совсем не громко, но дверь мгновенно отворилась, словно он стоял у самого порога, ожидая моего появления.

Арас стоял передо мной, немного растрёпанный, в расстёгнутой атласной рубашке, обнажившей его загорелую грудь, и широких штанах, заправленных в высокие кожаные сапоги. Запах рома и корицы ударил в нос. Его лицо заливала лукавая, довольная улыбка — он не скрывал, что праздновал победу.

И только сейчас, получше разглядев его вблизи, без всего этого смога и пестрящих юбок шлюх, я заметила, что он достаточно молод, лет двадцати восьми — двадцати девяти, всего на несколько лет старше меня. В его взгляде ещё читалось юношеское озорство, а тонкие шрамы на скулах, едва заметные в полумраке коридора, говорили о бурном прошлом.

«Возможно, поэтому он такой позёр и думает, что он здесь самый умный», — промелькнула мысль.

Этот факт немного расслабил меня. Жар помещения обнял моё тело, я замерла на пороге, рассматривая шикарное убранство его каюты. Изумрудные бархатные кресла так и звали утонуть в своих мягких подушках, тяжёлые багровые шторы с утончёнными золотыми узорами и пышными кистями покачивались в такт волнам, а пушистые восточные ковры и отделка камина отливали золотой патиной, вторя потрескивающим языкам пламени. На резном столике из железного дерева стоял кувшин с вином, пара бокалов, сыр и неизвестные мне фрукты, источающие сладкий аромат.

Он явно не сомневался, что я приду. Но центром притяжения этой комнаты была кровать — огромная и манящая, усыпанная множеством расшитых подушек. На спинке кровати висела карта Горы Стихий, испещрённая непонятными рунами.

Арас жестом пригласил меня войти.

— Я не ждал сегодня гостей, но раз уж ты здесь, изволь со мной выпить! — шутивым тоном сказал он, прищурившись.

Его глаза сверкнули, словно у хищника, заманивающего жертву в ловушку. Я оставалась стоять на пороге, оценивая обстановку. Мне не нравилось это его самодовольное выражение лица и совершенно не прельщала перспектива оказаться в его власти, пусть даже и на короткое время. Но выбора у меня не было, возвращаться к крысам я не хотела. Сделав шаг вперёд, я почувствовала, как под ногами приятно проминается мягкий ворс ковра.

— Как мило, — съязвила я, сделав ещё шаг в каюту. — И что же, ваше величество, желаете обсудить? Может быть, стратегию плавания или, быть может, расскажете, откуда у вас такая подробная карта Хребта Стихий?

Арас расхохотался, откинувшись на спинку изумрудного кресла. Он взял со стола тонкий нож и начал небрежно чистить какой-то диковинный фрукт с фиолетовой кожурой.

— О, давай забудем о формальностях, сегодня ночью я желаю говорить о красоте. О твоей, разумеется.

Он указал на столик с вином.

— Угощайся. У меня лучшие запасы во всём архипелаге.

Презрительно фыркнув, я всё же подошла к столику и, налив себе вина в бокал из тонкого стекла, сделала глоток.

Терпкий напиток обжёг горло, растекаясь теплом по телу. Вино было действительно превосходным.

— И чего вы ждёте взамен за свою любезность, капитан? Неужели надеетесь, что я забуду о своей миссии, очарованная вашими бархатными креслами и золотыми безделушками?

Мой голос звучал вызывающе, проверяя его границы.

— Сейчас я лишь предлагаю тебе немного тепла и компанию в этом холодном плавании. А что касается твоей миссии... — он пристально посмотрел на меня, — я достаточно проницателен, чтобы понимать, что ты не простая путешественница. Обычно люди не отправляются в такие места без веских причин. Гора Стихий — место не для слабых духом, а ты выглядишь слабой.

Он отпил вина из своего бокала, не сводя с меня глаз. В его взгляде больше не было насмешки, только изучающее любопытство. Я почувствовала, как внутри меня нарастает напряжение. Он играл со мной, как кошка с мышкой.

Интуиция кричала, что он ведёт какую-то свою игру, и мне необходимо понять, какие карты у него на руках, прежде чем раскрывать свои.

— И что же, ты считаешь своим долгом меня остановить? — спросила я, крепче сжимая бокал. — Или всё же надеешься, что я сама испугаюсь и сбегу?

Он лениво улыбнулся, будто поймав меня в ловушку.

— Хорошо, я признаюсь. Мне любопытно. Ты — загадка, которую хочется разгадать. Гора Стихий... Зачем тебе туда? — он наклонился вперёд, его глаза опасно блеснули. — Многие искали там богатства, славы, силы... Что ищешь ты? Может, богатого покровителя? Судя по твоему наряду, ты настроена серьёзно...

Его насмешливый взгляд стал пронзительным, словно он пытался заглянуть мне в самую душу.

— Открой мне свой секрет, и я, возможно, позволю тебе добраться до своей цели. Может быть, даже помогу.

— Вы, капитан, слишком любопытны. Мои причины — моё дело. — Я нахмурилась. — И если ты думаешь, что сможешь узнать их, просто угостив меня вином, то сильно ошибаешься.

Я поставила бокал на столик с нарочитой небрежностью, демонстрируя свою непреклонность.

— Но раз уж ты так любезен, и в море сейчас так холодно, я составлю тебе компанию. Сегодня.

В глазах Араса вспыхнул азарт.

— Договорились, — он поднялся и приблизился ко мне, сокращая расстояние. Его запах заполнил мои лёгкие. — Но учти, в этой игре не будет правил. И победитель получит всё.

Он поднял свой бокал, и наши взгляды встретились. В этот момент я поняла, что ступила на опасную территорию. Но отступить было поздно, и я подняла свой бокал в ответ.

Глава 7

Утро оказалось на удивление спокойным. Я очнулась на полу у камина, расслышав сквозь сон пробивающийся немилосердный рокот прибоя и хриплые крики матросов, доносившиеся с палубы. Сознание возвращалось неохотно, по крупицам. Сначала я почувствовала мягкий ворс ковра под щекой, затем — тупую, пульсирующую боль в висках. Вино, выпитое вчера на голодный желудок, мстило мне за минутную слабость.

Вечер закончился куда быстрее, чем я ожидала. Арас, верный своей привычке, до последнего пытался довести меня до бешенства, метая колкие замечания, словно отравленные дропки. Но тепло огня сделало своё дело, и он лишился желанного зрелища. Мои веки слипались, и единственным желанием было провалиться в беспамятство, оставив его захлёбываться собственным ядом в гордом одиночестве. Поняв, что сегодня я — скучный собеседник, он лишь разочарованно бросил мне на пол покрывало.

Я не стала спорить. Этот вариант устраивал меня целиком и полностью: подальше от его тяжёлого взгляда и поближе к угасающему пламени.

За окнами каюты уже вовсю полыхало жаркое полуденное солнце. В комнате было пусто. Приоткрыв глаза, я потянулась всем телом, наслаждаясь, возможно, последними мгновениями покоя в этом безумном путешествии. В эту секунду мне казалось, что о моём существовании все забыли.

Поднявшись, я натянула ботинки и осторожно, стараясь не шуметь, подошла к окну. Картина за стеклом завораживала — на палубе кипела работа, пропитанная лихорадочным напряжением. Детское любопытство пересилило желание оставаться в тишине.

Я выскользнула в коридор. Деревянные половицы тихо поскрипывали под ногами, когда я пробиралась к выходу на верхнюю палубу. Трап встретил меня запахом соли и мокрого дерева. Поднявшись по ступенькам и толкнув тяжёлую дверь, я на мгновение зажмурилась от яркого солнца.

Когда глаза привыкли к свету, я увидела снующих туда-сюда матросов, перетаскивающих тяжёлые ящики и мокрые сети. Но моё внимание привлекли те, кто находился за бортом. Люди в водолазных костюмах, о которых я читала лишь в старых книгах: тяжёлые кожаные куртки, медные шлемы с мутными стёклами и дыхательные пузыри, мерно раздувающиеся за спинами. Они поднимались из бездны, словно призраки затонувших городов. Некоторые матросы, обвязавшись тросами, свисали с бортов корабля, точно гроздь спелого винограда. Они перехватывали у ныряльщиков их добычу и передавали её наверх тем, кто дежурил у ящиков.

Лишь двое молодых парней, сделавших вчера ставку против капитана, заметили моё появление. Один из них, более бойкий, задорно подмигнул мне и призывно махнул рукой.

— Эйлин? Верно? — спросил он, когда я подошла ближе. — Я Закари, а вот этот придурок, который никак не научится вовремя закрывать рот, — мой брат Иво.

Второй парень в шутку замахнулся на него, но Закари лишь ловко увернулся, продолжая улыбаться. Они были похожи как две капли воды: кожа цвета молочного шоколада, ярко сияющие глаза невероятного, почти сверхъестественного бирюзового цвета — точь-в-точь как мелководье у тропических островов. Их белоснежные улыбки на фоне загорелых лиц казались ослепительными.

— Нас пока не допускают к серьёзной работе, — Закари кивнул в сторону ныряльщиков, чьи шлемы поблёскивали у борта. — Поэтому Арас дал нам самое важное задание: следить, чтобы ты не умерла от голода и, чего доброго, не вздумала броситься за борт!

Мальчишка весело рассмеялся, пихнув брата локтем в бок. В их движениях было столько жизни и искреннего, нерастраченного тепла, что я невольно замерла. Глядя на них, я против

воли начала представлять: а как бы выглядел мой собственный брат в их возрасте? Стал бы он таким же рослым и плечистым?

Если я успею, если он выживет — привычная колючая мысль отозвалась болью где-то под рёбрами.

Но, глядя на Закари и Иво, я впервые за долгое время почувствовала, как ледяной ком в груди начинает подтаивать. Они не казались опасными. В них не было той тяжёлой, давящей тьмы, которой буквально дышал Арас. Напротив, от них веяло морским бризом и беззаботностью.

Моё настроение, до этого момента бывшее мрачнее грозовой тучи, внезапно сменило курс и поползло вверх. Кажется, это плавание обещало быть чуть менее мучительным, чем я предполагала. По крайней мере, теперь на этом проклятом корабле появились люди, при взгляде на которых меня не бросало в дрожь от ужаса.

— Ну что, «задание капитана», — я постаралась, чтобы мой голос звучал твёрдо, несмотря на слабость. — Где здесь можно раздобыть еду, пока мой желудок не начал переваривать сам себя?

Братья переглянулись, и в их глазах вспыхнуло одинаковое озорное пламя.

— О, за это не переживай, — отозвался Иво, впервые подав голос, такой же звонкий, как у брата. — Идём, пока Арас не нашёл нам занятие похуже присмотра за прекрасной дамой.

Иво, в отличие от своего словоохотливого брата, воспринял поручение Араса со всей серьёзностью. Пока Закари непринуждённо болтал о морских течениях и портовых байках, Иво принёс мне импровизированный завтрак: ломоть грубого хлеба, кусок солёного сыра, несколько сморщенных фруктов и кувшин.

— Снова вино? — жалобно простонала я, вспомнив утреннюю тяжесть в голове. — Неужели на этом корабле нет ни капли простой воды?

Иво резко обернулся, и его бирюзовые глаза на мгновение стали прозрачными, как глыба морского льда.

— Мы в открытом море, Эйлин. Пресную воду нужно экономить для промывки ран и тех, кто наглотался яда в пещерах. Здесь она ценится дороже золота.

Он отрезал это так сухо, что я не решилась возражать. Устроившись на пустых деревянных ящиках, я принялась за еду. Несмотря на простоту трапезы, хлеб казался удивительно вкусным, а сыр — пикантным. Я смотрела на искрящуюся воду, на бескрайний горизонт, где лазурь неба сливалась с индиго океана, и впервые в жизни остро пожалела, что не умею рисовать. Этот миг спокойствия был так прекрасен и так хрупок, что его хотелось запереть в рамку и сохранить навсегда.

Но тишина длилась недолго. Внезапно ритмичный шум работы сменился хаотичной суетой. Матросы на баке закричали, кто-то со всех ног бросился в трюм, раздались резкие, панические команды. Механизмы лебёдок взвыли под натяжением, мужчины начали медленно, с натугой поднимать тросы.

Из-за кормы, тяжело переваливаясь через борт, показались два мощных силуэта в водолазных шлемах. Один мужчина мёртвой хваткой держал второго, не давая тому соскользнуть обратно в воду.

Когда их аккуратно, словно хрупкий стеклянный груз, выложили на палубу, один из ныряльщиков дрожащими руками сорвал с себя шлем. Это был Арас. Его лицо, обычно надменное и непроницаемое, сейчас было искажено гримасой, которую я никогда не надеялась на нём увидеть. В его глазах, всегда таких холодных, полыхала первобытная, нечеловеческая паника.

Он тяжело дышал, жадно хватая ртом воздух. Из скафандра второго ныряльщика, лежащего неподвижно, уже сочилась кровь — густая, тёмная струя, мгновенно пропитывая доски палубы, расплывалась багровым ковром. Это была рана, совершенно не похожая ни на что

виденное ранее. Плоть на руке несчастного была словно изжевана роем мелких муравьёв, а края раны светились ядовитым лазурным цветом.

— Мы попались... — сдавленно прохрипел Арас, глядя куда-то мимо нас, в пустоту океана.

Мир вокруг меня качнулся. Запах солёной воды в мгновение ока перебило тяжёлым, металлическим запахом свежей крови, и я поняла: покой закончился. Начинался кошмар.

Поднос с едой выскользнул из моих онемевших рук. Сыр и фрукты рассыпались по полу, смешиваясь с грязью, но я этого даже не заметила. Мой взгляд был прикован к багровой луже, которая стремительно увеличивалась, подбираясь к моим ботинкам.

Закари и Иво в одно мгновение растеряли свою юношескую весёлость. Их лица, ещё минуту назад сиявшие жизнью, теперь напоминали посмертные маски — серые, застывшие, с широко распахнутыми глазами.

— Живо! — взревел Арас, и этот крик, полный отчаяния, вывел команду из оцепенения. — Несите инструменты! Режьте скафандр!

Сам он, не дожидаясь помощи, вцепился в тяжёлые медные заклёпки на груди раненого. Его пальцы скользили по окровавленному металлу, он ругался, и в этом бешеном ритме не было и следа того безразличного, расчётливого человека, которого я видела вчера.

Когда матросам наконец удалось вскрыть герметичный костюм, палубу огласил животный стон. Из прорехи в костюме, вместе с потоком густой крови, на доски выпало несколько раздавленных синих светящихся цветков. Даже размозжённые, они продолжали испускать призрачный синий свет, который теперь казался зловещим.

— Тени... — прошептал кто-то из матросов, пятясь назад. — Тени Глубин вышли на охоту.

Арас поднял голову. Его лицо было забрызгано кровью, а в глазах застыла такая ярость, смешанная с обречённостью, что мне захотелось немедленно спрятаться, исчезнуть.

— Они не просто вышли на охоту, — прохрипел он, глядя на горизонт. — Они почуяли нас. Мы попались в их ловушку прямо над жерлом.

Он резко обернулся к братьям, которые стояли как вкопанные. Я стояла посреди этого безумия, чувствуя, как внутри всё леденеет. Мой взгляд упал на раненого — он умирал прямо здесь, на залитой солнцем палубе, под крики чаек, которые уже кружили над кораблём, предчувствуя скорый пир.

Я не успела или не смогла двинуться с места, прикованная ужасом. Тем временем парни, трясущимися пальцами, стаскивали с раненого скафандр. Ужасающая картина предстала перед глазами. То, что было ногой, превратилось в кровавое месиво, а по груди и животу тянулись глубокие, зияющие порезы, сквозь которые просвечивали внутренние органы. Он был ещё жив, но каждый понимал: конец неизбежен.

Его взгляд, мутный от боли, нашёл Араса.

— Капитан... — прошептал мужчина и с невероятным усилием протянул маленькую охапку светящихся растений, тех самых синих цветков, что стояли ему жизни. — Я обещал вашему отцу, что погуляю за него на вашей свадьбе... но у морских чертей, похоже, свои планы.

Слабая, почти призрачная улыбка тронула его губы. Он сделал последний, прерывистый вдох и замер, уставившись погасшим взглядом в бездонное небо.

Арас словно окаменел, стараясь сохранить твёрдость в жестах и мимике, но что-то внутри него, казалось, надломилось. Затем, медленно, он опустился на колени, закрыл рукой остеклевшие глаза старого моряка и, не проронив ни слова, молча ушёл в свою каюту, оставив за собой лишь кровавый след на палубе.

Матросы, повинаясь безмолвной команде, бережно подняли тело и перенесли его на составленные в виде стола ящики.

Я проводила взглядом импровизированные носилки, но перед моими глазами всё ещё пульсировал тот неестественный, неоновый свет. Синие стебли, зажатые в окоченевших пальцах мертвеца, не были похожи ни на одно земное растение. Они казались живыми даже в хватке трупа.

Я повернулась к братьям. Закари яростно оттирал доски от крови, а Иво укладывал в тяжёлый кованый сундук инструменты, которыми десять минут назад резали скафандр.

— Что это было? — мой голос прозвучал тише, чем я хотела. — Те синие растения в его руках... Откуда они?

Закари остановился и посмотрел на меня, прищурившись. В его взгляде я заметила странную смесь предостережения и мрачного восхищения.

— Это «пульс», — негромко произнёс он. — «Глубинный пульс», если хочешь более поэтично. Ты не найдёшь их в лесу или на лугу. Они растут там, куда никогда не заглядывает солнце. На самом дне, где хребты потухших подводных вулканов вонзаются в вечную тьму океана.

— В океане? — я нахмурилась, пытаюсь представить это. — Но как они могут там выжить?

— Они не знают солнечного света, — подхватил Иво, не отрываясь от дела. — Эти призраки питаются лишь остаточным теплом остывающих недр и минералами обсидиановых скал. Если смотреть издали — ну, если у тебя хватит дури туда спуститься, — их колонии похожи на рассыпанные звёзды: тонкие, почти прозрачные стебли, а на вершинах — светящиеся шляпки. Они пульсируют в такт самому морю, словно оно медленно дышит.

Я вспомнила мягкое свечение в пальцах мертвеца и невольно прошептала:

— Это выглядело... красиво.

— Ага, обалдеть как красиво, — огрызнулся Закари, проверяя замок на сундуке. — Только эта красота тебя прикончит быстрее, чем ты успеешь рассмотреть её поближе. Самые жирные кусты прячутся в вулканических пещерах, в извилистых лабиринтах, где вода застаивается и становится тяжёлой, как свинец. Там, в непроглядном мраке, обитают «тени глубины» — белесые, лишённые глаз ядовитые твари. Те, кто сегодня ранили Каэла. Их конечности длинные и костлявые, их почти невозможно отличить от кораллов, пока они не вцепятся тебе в горло. Они охраняют свои владения с безмолвной яростью. Многие ныряльщики-контрабандисты нашли свой конец в этих пещерах, так и не коснувшись заветного сияния.

— Если это такая жуть, зачем вы вообще туда лезете? — я посмотрела на сундук, который они так тщательно паковали.

— Слушай, за эту «жуть» платят золотом, которое не воняет тинной, — усмехнулся Закари. — Но достать их — это только начало геморроя. Эти сорняки не любят небрежности. Мы их раскладываем на решётках в трюме, жаровни кочегарим на полную. Под сухим жаром «пульс» начинает съёживаться, сохнет, но свет свой не теряет.

Иво наконец поднял на меня взгляд.

— Когда растение высыхает, оно становится хрупким, как тончайшее стекло. Мы перемалываем его в тяжёлых каменных ступках, превращая в мелкую, мерцающую пыль. Этот порошок обладает удивительным свойством: даже будучи растёртым в муку, он продолжает испускать призрачное свечение. В темноте трюма мне иногда кажется, будто наши мешки набиты измельчёнными душами утопленников.

— И что потом? — спросила я. — Кто это покупает?

— О, в столице за это готовы глотки рвать, — Закари заговорщицки подмигнул, хотя глаза его оставались холодными. — За высокими стенами дворцов её ценят дороже золота.

— Малая щепотка в бокал вина — и ты герой-любовник, — добавил Иво с явным отвращением в голосе. — Мощнейший афродизиак. Кровь разгоняет так, что глаза горят, а чувства

обостряются до предела. В такие ночи аристократы забывают про свои маски и приличия. Сгорают в этой искусственной страсти, как мотыльки.

— Но те, кто ищет забвения, знают и другую сторону, — Закари покачал головой. — Стоит увеличить дозу, и «пульс» превращается в тяжёлый наркотик. Он дарит видения иных миров, галлюцинации, погружая сознание в бездонный океан блаженства, из которого нет возврата.

— Для богачей это лишь способ разогнать скуку, — подытожил Иво, захлопывая крышку сундука с тяжёлым металлическим лязгом. — Для нас — шанс разбогатеть или погибнуть. А для моря — это просто способ напомнить людям, что у каждой красоты есть своя цена, и чаще всего она платится кровью.

Закари сделал шаг ко мне.

— Теперь ты знаешь. Это не просто цветы. Это концентрированная смерть, упакованная в красивый синий свет. И мы — те, кто достаёт её из самой задницы мира.

Я невольно отступила на шаг, чувствуя, как холод пробирается мне под одежду. Неоновый свет больше не был прекрасным — теперь он отдавал привкусом крови.

— Ты смотришь на нас и видишь чудовищ, торгующих смертью, — негромко произнёс Иво, и в его голосе не было ни раскаяния, ни злобы. — Но мир устроен просто: кто-то хочет забыться, а кто-то хочет выжить. Мы выбрали второе.

Он протянул руку и на мгновение коснулся моего плеча. Его пальцы были жёсткими и холодными, как прибрежная галька.

Я сглотнула, чувствуя, как в горле встал ком. Его слова падали тяжело, словно камни, брошенные в глубокий колодец. Я посмотрела на сундук, где теперь была заперта эта мерцающая смерть, и поняла, что мой мир только что стал намного темнее.

— Теперь ты знаешь нашу правду, — добавил Иво, не оборачиваясь. Он уже набрасывал на сундук грубую мешковину. — Вопрос в том, сможешь ли ты с ней спать.

Я промолчала. Синий цвет, который ещё десять минут назад казался мне осколком упавшего неба, теперь жёг память. Я знала: закрывая глаза, я буду видеть не звёзды, а те самые пульсирующие шляпки на дне чёрного, безжалостного океана.

После разговора с братьями мир вокруг меня окончательно потерял свои привычные очертания, сменившись оттенками соли, гнили и пугающего лазурного света. Пока я пыталась осознать услышанное, на палубе закипела работа — мрачная, привычная для этих людей, но оттого не менее жуткая для меня.

Мужчины занимались подготовкой похорон. Я наблюдала со стороны, как они с траурными, застывшими лицами молча омывают тело Каэла. Моряки оттирали кровь, успевшую запечься на раскалённом солнце, их движения были лишены всякой нежности — только суровая, отточенная годами необходимость. Рядом, под аккомпанемент глухих ударов молотков, двое матросов сколачивали надёжный плот из старых ящиков. Те, кто постарше, хмуро наставляли младших:

— Делай на совесть, парень. Забивай гвозди так, будто для себя стараешься. Кто знает, кому такой же плот пригодится завтра.

В этот момент из трюма вышел молодой моряк. Он бережно нёс в руках небольшой деревянный ящик, из щелей которого пробивалось неземное, переливчатое мерцание всех цветов радуги. Это свечение было другим — не тем холодным огнём «пульса», более живым, искрящимся, и в то же время зловещим.

— Что это? — спросила я у старика по имени Матиас, который примостился на бочке неподалёку, потягивая старую трубку.

— Это «слёзы морской девы», — прохрипел он, закашлявшись от едкого дыма. Он посмотрел на меня мутными, выцветшими глазами. — Погляжу, в твоей деревне не шибко

интересовались, что в мире происходит... Редкая цацка. Мы добываем их из моллюсков, что облепляют остовы затонувших кораблей.

Старик кашлянул и продолжил:

— Эти твари питаются не планктоном. Они сосут магию и остатки жизненной силы из погибших моряков, что застряли в железных чревах судов. Оттого их жемчужины и светятся всеми цветами радуги — в каждой из них кусок чьей-то души. За одну такую в Этерии можно тысячу золотых получить. А сейчас... сейчас они нужны для оплаты последнего пути нашего доброго друга.

Голос старика дрогнул. Он заерзал на бочке, делая вид, что разминает затекшую спину, но я видела, как он украдкой смахнул скупую слезу. Когда старик успокоился и снова припал к своей дымящейся трубке, я решилась задать вопрос.

— Кому оплатить? — спросила я, чувствуя, как мой голос звучит слишком тонко в этом мире грубых мужчин и солёных ветров.

Старик медленно выдохнул клуб дыма, который тут же растворился в вечернем воздухе.

— На море свои законы, деточка... — Он глубоко затянулся, и огонёк в его трубке на мгновение осветил глубокие морщины. — У нас нет земли, чтобы предать тело, нет больших костров. Поэтому много сотен лет назад моряки заключили договор с Нави. Древний народ, застрявший между небом и бездной.

Он помолчал, затянувшись, и продолжил:

— Кто-то из сухопутных зовёт их русалками, но это глупости из сказок. Нави — они... другие. Они не просто рыбы с человеческими лицами. В них течёт тёплая кровь, как в нас с тобой. До пояса они — совершенные люди, с мягкой, нежной кожей, отливающей жемчугом. У них такие же сердца, такие же лёгкие, только под рёбрами — тонкие щели жабр, похожие на следы от ножевых ранений.

Старик помрачнел, и его голос стал тише, почти превратившись в шёпот.

— В этом их проклятие. Они слишком похожи на нас. Слишком... податливы. Они тепловкровные, и это делает их беззащитными перед теми, в ком жадность и похоть сильнее страха перед морем. Рыбаки — народ грубый. Многие видят в Нави не мудрых хранителей течений, а просто красивую, безмолвную добычу, которую можно поймать в сети и... использовать.

Он сплюнул в сторону, словно избавляясь от горького привкуса этих слов.

— Они могут выходить на берег, если захотят, но на суше они слабы, как новорождённые. Мы ищем их течения, они как невидимая паутина по всему океану, спускаем плот с усопшим на воду, кладём на глаза две жемчужины в уплату и отпускаем. Нави забирают тело в свои подводные города. Никто из живых там не был... да и жабр у нас нет, захлебнёмся на полпути, — закончил Матиас.

По спине пробежал настоящий холод, я никогда раньше не сталкивалась со смертью так близко, но ещё страшнее было осознание того, что в этом мире даже другие существа не защищены от человеческой жестокости. К горлу подкатил ком, а в голове кружились образы: синие цветы, мерцающие жемчужины, закрывающие глаза мертвецам, отправляющимся в подводное царство. Море, которое я всегда считала просто опасным, теперь казалось живым, древним существом, полным тайн.

Я не стала допытывать старика дальнейшими расспросами. Если мальчишки с радостью готовы были болтать хоть весь день, старик выглядел суровым и не склонным к долгим беседам. Да и мне не хотелось быть назойливой и казаться ещё менее образованной. Я ощущала себя глупым ребёнком, который только что вылез из своего уютного аквариума, не подозревая о существовании огромного, полного жизни океана, его бедах и чудесах.

Все мои прежние знания, вся моя жизнь казались теперь такими мелкими и незначительными по сравнению с тем, что открывалось мне здесь, на этом корабле, посреди бескрайнего моря. Я чувствовала себя потерянной, но в то же время в моей груди зарождалось странное,

тревожное любопытство. Мир оказался куда сложнее, чем я могла себе представить, и я понимала, что мне предстоит узнать ещё очень многое, прежде чем я смогу хоть немного ориентироваться в этой новой реальности.

Плот уже стоял на крепких канатах, готовый к последнему путешествию. Матросы зажгли свечи, их дрожащее пламя отбросило причудливые тени на палубу. Последним появился Арас.

Он вышел из своей каюты, и я едва его узнала. Его глаза, обычно полные дерзкого вызова, теперь были словно мутное стекло, без малейшего признака жизни. В движениях и позе не было ни капли бывшего высокомерия, будто вся тяжесть мира повисла на его плечах, заставляя спину надломиться под непосильной ношей.

Он остановился, встретившись взглядом со своей командой. Я видела, как он собрал все силы в кулак, заставив себя выпрямиться. С видимым усилием он прошёл к помосту, на который моряки уже установили плот с телом. В его лице читалась борьба: он всеми силами пытался заменить давящую скорбь на злость, ярость, желание отомстить тем, кто это сделал. Он искал в себе эту злость, чтобы она дала ему силы устоять и не показать всем свою уязвимость.

Арас подошёл к плоту. Молодой моряк, тот, что принёс ящик, теперь стоял рядом, держа его открытым. Внутри, на тёмном бархате, мерцали «слёзы морской девы». Арас склонился над телом Каэла. Его пальцы дрогнули, когда он взял две крупные жемчужины. С нежностью, которой я не ожидала от него, он положил их на закрытые веки мертвеца. Каждая жемчужина вспыхнула, словно впитывая последние отблески света, прежде чем погрузиться в вечную тьму.

Затем Арас выпрямился. Его голос, поначалу хриплый, окреп с каждым словом, разносясь над палубой и растворяясь в шуме волн.

— Море, прими своего сына, — начал он, и остальные моряки подхватили, их голоса слились в низкий, гулкий хор. — Он жил под твоим небом, дышал твоим ветром, кормился твоими дарами.

— Море, прими его душу, — продолжил Арас, и его взгляд устремился в темноту. — Пусть жемчуг на глазах его станет платой за путь, пусть Нави укажут ему дорогу в свои подводные сады.

— Пусть волны унесут его боль, — подхватили матросы, и их голоса звучали как древний призыв. — Пусть течения ведут его к покою.

— Пусть кровь его не будет забыта, — закончил Арас, и в его голосе прозвучала стальная нотка, от которой у меня по спине пробежал холодок. — И пусть те, кто отнял его жизнь, найдут свою смерть в твоих глубинах.

С этими словами Арас кивнул. Канаты заскрипели, и плот медленно опустился на воду, покачиваясь на волнах, словно колыбель. Огоньки жемчужин на глазах Каэла были последним, что я видела, прежде чем плот подхватило едва заметное течение и унесло в непроглядную тьму. Море приняло свою жертву.

Когда плот совсем скрылся из виду, на палубе воцарилась тяжёлая тишина. Каждый из моряков стоял, опустив голову, словно прислушиваясь к эху ушедшей жизни. Арас, казалось, застыл, глядя в ту точку, где ещё минуту назад виднелись последние отблески света. Я ждала, что он сломается, что его маска треснет, но он лишь глубоко вдохнул солёный воздух, а затем медленно повернулся к команде.

— Сегодня вечером, — его голос был глухим, но твёрдым, — мы соберёмся в камбузе. Проводим Каэла, как положено. Вспомним его. Выпьем за его душу. И за то, чтобы море забрало его в покой.

Никто не возразил. Это был не приказ, а негласный закон моряков — почтить павшего и доверить его судьбу стихии.

Глава 8

Камбуз, обычно шумный и пропахший рыбой, сегодня был приглушённым и тесным. Масляные лампы отбрасывали желтоватый свет на потные лица моряков. На грубом деревянном столе стояли глиняные кружки, бутылки с тёмным, крепким ромом и несколько тарелок с простой едой — вяленой рыбой, жёстким хлебом и солёными овощами. Это были не поминки в привычном смысле, а скорее «прощальный ужин», где горе топили в алкоголе и воспоминаниях.

Я сидела в углу, стараясь не смущать своим присутствием расчувствовавшихся матросов. Моя льняная рубашка, когда-то светлая, сейчас была в тёмных пятнах. Плотный пояс туго стягивал талию, словно корсет, подчёркивая мою хрупкость среди этих грубых мужчин. Просторная юбка, хоть и скрывала ноги, но мне всё равно было некомфортно. Волосы, распущенные и влажные от морского воздуха, липли к щекам, я чувствовала себя неуместной, словно экзотический цветок, случайно занесённый на корабль.

Ром лился рекой, и с каждой кружкой голоса становились громче, а истории — живее.

— Помню, как Каэл однажды... — начал один из матросов, его лицо покраснело от выпитого. — Мы попали в шторм у Проклятых рифов. Все думали, конец. А он, старый чёрт, смеялся! Говорил, что его бабка-русалка ждёт, чтобы забрать его в свои объятия!

Другой подхватил:

— А как он однажды с огромной рыбой дрался? Говорит, чуть не утащила его за борт! А он её, значит, за хвост схватил, да так, что она еле уплыла! Вот сила была в руках!

Смех и грусть смешивались в воздухе. Они вспоминали Каэла — его силу, его упрямство, его странные шутки. Это был их способ справиться с потерей, сохранить его живым в своих историях.

Арас сидел во главе стола. Он пил ром наравне со всеми, слушал, иногда даже кивал или коротко усмехался. Он отвечал на вопросы, задавал свои, поддерживал беседу, словно ничего не изменилось. Но я видела его. Его глаза, хоть и смотрели на говорящего, были пустыми, словно он видел сквозь него, сквозь стены камбуза, сквозь сам корабль. Его мысли были далеко, в другом месте. Я чувствовала, как он напряжён. Его челюсть была сжата, а пальцы, вцепившиеся в кружку, побелели от усилия. Он был здесь, но его душа уже была там, в той бездне, где исчез Каэл.

Ночь опустилась на корабль, унося с собой шум и суету. Многие уже разошлись по своим койкам, оставив после себя лишь приглушённые голоса и запах рома. Я же не могла уснуть. Шум волн, казалось, стал громче, а звёзды на небе — ярче. Мне хотелось глотнуть свежего воздуха, отдохнуть от тесноты и запахов, но возвращаться в трюм, где меня, вероятно, ждали мои незванные соседки, совсем не хотелось.

Я тихонько выбралась на палубу. Прохладный морской бриз тут же коснулся моего лица, играя с прядями волос, которые я так и не удосужилась убрать. Я прошла к борту, подальше от освещённых окон, и прислонилась к холодному дереву. Внизу, в непроглядной темноте, плескалось море, а над головой раскинулось бескрайнее звёздное небо. Я стояла так, пытаюсь привести мысли в порядок, когда услышала шаги. Арас.

Он подошёл и остановился рядом, не говоря ни слова. Мы стояли так какое-то время, каждый погружённый в свои мысли, под аккомпанемент шума волн.

— Он был мне вторым отцом, — наконец произнёс Арас, его голос был тихим, почти потерянным в шуме ветра. — Лучшим другом моего отца. После того, как он погиб... Каэл был тем, кто держал меня на плаву.

В его голосе звучала такая искренность, такая глубокая боль, что я впервые увидела в нём не просто грубого капитана, а человека, потерявшего близкого. Он не пытался казаться

сильным, не пытался скрыть свою скорбь за яростью. Он был уязвим, и это было... трогательно. Возможно, он не такой уж плохой, как я думала.

— Мне очень жаль...

Я повернулась к нему, собираясь сказать что-то утешительное, но слова застряли в горле. В его глазах мелькнуло что-то похожее на желание. Он, казалось, почувствовал моё смятение, моё пробудившееся влечение, и тогда я поняла. Он не хотел привязанности. Он не хотел чувств. Он хотел оттолкнуть меня, чтобы не чувствовать самому.

— Ты думаешь, я такой же, как ты? — его голос стал низким, почти рычащим. — Думаешь, я могу позволить себе слабость? Ты ошибаешься.

Он сделал шаг ко мне, и я почувствовала, как моё сердце забилося быстрее — не только от страха. Что-то внутри меня, вопреки рассудку, потянулось ему навстречу.

Ночной океан ревел под килем, обдавая палубу ледяными брызгами, но мне было жарко от его близости. Арас вжал меня в фальшборт, его тело ощущалось как раскалённая стена. Его губы накрыли мои — и я ответила. Не отстранилась, не оттолкнула его руки, сжимающие мою талию. Я сама подалась вперёд, вцепившись пальцами в его рубашку, будто боялась, что он передумает и отступит. Поцелуй был грубым, солёным от морского воздуха, и я тонула в нём с постыдной, необъяснимой жадностью.

Он на мгновение отстранился, глядя на меня сверху вниз — в его глазах читалось что-то среднее между удивлением и торжеством, будто он не ожидал, что я отвечу так открыто. А затем, словно наказывая меня за эту слабость, за то, что я выдала себя, он снова прижался к моим губам — и резко впился зубами в нижнюю.

Вспышка боли прошила сознание, и я почувствовала на языке густой, металлический вкус крови.

Не давая мне опомниться, Арас схватил меня за плечи и одним мощным движением развернул спиной к себе. Он перегнул меня через перила так, что моя голова оказалась над самым краем борта, лицом к ревущей бездне. Шершавое дерево впилось в живот, выбивая дыхание.

Я видела, как тяжёлые, алые капли срываются с моей разбитой губы и исчезают в чёрной, фосфоресцирующей пене волн. Одна, вторая, третья... Они казались крошечными искрами жизни, поглощёнными вечным мраком.

Его рука по-хозяйски легла мне на шею, прижимая к дереву, а губы коснулись уха, обжигая горячим дыханием.

— В этой части моря живёт тварь, которая не знает пощады, — его голос вибрировал от скрытой угрозы. — Она слепа, но её нюх острее любого клинка. Она учует добычу по одной-единственной капле крови. Она уже знает, что ты здесь. Она уже поднимается из глубины.

Я вцепилась пальцами в край борта, глядя в непроглядную толщу воды, и мне показалось, что там, под слоем чернильных волн, шевельнулась огромная, бесформенная тень. Страх сковал мои мышцы, но его руки, сжимающие мои бёдра, были ещё страшнее. Он сделал это, чтобы отпугнуть меня, чтобы я не привязалась к нему, чтобы я не увидела в нём человека.

Но его жестокость, его сила, его боль — всё это лишь усиливало моё собственное, запретное влечение. Я была добычей, и он играл с ней, как хищник перед прыжком.

— Если будешь кричать, она услышит, — прошептал он, и я услышала звук расстёгиваемой пряжки его ремня. — Если будешь сопротивляться — она почувствует твои судороги через киль.

Моя юбка была задрана, плотный пояс врезался в кожу. Я почувствовала, как его горячий, твёрдый член упёрся в меня, и в следующий миг он вошёл. Резко. Без предупреждения. Острая, разрывающая боль пронзила меня, заставив выдохнуть сдавленный стон. Мир сузился до этого ощущения — жгучего, невыносимого, но в то же время...

Он взял меня резко, сносящей всё на своём пути волной. Удар был таким мощным, что я едва не соскользнула. Я закусила окровавленную губу, подавляя крик, который рвался наружу. Каждое его движение вбивало меня в дерево, заставляя чувствовать себя жертвой на алтаре.

В какой-то момент его голова склонилась к моему плечу, и я ощутила обжигающий жар его дыхания. Арас впился зубами в чувствительную кожу на изгибе шеи, оставляя там клеймо, которое будет гореть ещё долго после того, как всё закончится. Этот поцелуй заставил меня содрогнуться. Моё тело, предательски отзывчивое, горело от противоречивой страсти, которую я не могла — и не хотела — контролировать.

С последним, сокрушительным толчком он замер, навалившись на меня всем своим весом. Я чувствовала, как его мышцы стали каменными, а дыхание рваным и тяжёлым. Спустя мгновение, когда он медленно отстранился, я ощутила обжигающую, липкую влагу, которая потекла по внутренней стороне моих бёдер, напоминая о свершённом над моей волей и телом.

Я стояла, едва удерживаясь на ногах, пока мир вокруг всё ещё вращался. Арас молча смотрел на меня, его взгляд был нечитаемым, тёмным и всё ещё опасным. Не глядя на него, я дрожащими руками подхватила край своей юбки и грубо обтерла кожу, пытаясь избавиться от следов его присутствия, хотя понимала, что смыть это ощущение изнутри будет невозможно.

Над нами выл ветер, подо мной пульсировала бездна с её невидимым монстром, а за моей спиной стоял тот, кто оказался страшнее любого морского чудовища. И в этот момент, глядя на тёмные волны, я не знала, чего боюсь больше: того, что тварь из глубины нас найдёт, или того, что этот человек теперь навсегда стал частью моей судьбы.

Он отстранился так же резко, как и начал — жар его тела в одно мгновение сменился обжигающим холодом морского ветра. Я медленно повернулась, судорожно вдыхая солёный воздух и пытаясь поймать его взгляд, найти в этой непроглядной темноте хоть какое-то объяснение случившемуся. Но объяснений не было.

Арас молча застегнул ремень. Движения его были пугающе будничными, словно не произошло ничего из ряда вон выходящего. Не оборачиваясь, он бросил через плечо ледяное:

— Спи, где хочешь. Трюм всё ещё открыт.

Я смотрела, как его силуэт растворяется в густых тенях, и чувствовала, как внутри разливается новая волна — на этот раз не желания, а сосущей пустоты. Это было похоже на предательство. Мне до боли не хотелось верить, что он просто воспользовался мной, чтобы сбросить напряжение. Но ещё страшнее было признание самой себе: я никогда прежде не знала такой яростной, почти первобытной силы возбуждения. Эта страсть пугала меня больше, чем его безразличие.

В памяти невольно всплыл образ Лемана. Он всегда был воплощением нежности и такта. Наша близость была тихой гаванью — уютной, предсказуемой, наполненной тёплым доверием. В ней не было этого всепожирающего пламени, которое оставляет после себя лишь пепел. Других мужчин в моей жизни не было, и теперь эти воспоминания, как хрупкие обломки кораблекрушения, стучались о стенки моей души.

Подавляя разбушевавшиеся чувства, я заставила себя пойти вниз. Колени подкашивались. Я точно не могла и не хотела оставаться с ним в одной каюте, делить один воздух, тем более разговаривать.

Палуба уже опустела. Из кубрика доносился тяжёлый, мерный храп — моряки изрядно надрались после пережитого ужаса и теперь спали так крепко, что не слышали бы и пушечного залпа. Мои шаги были бесшумными, почти призрачными. Я добралась до помещения, отдалённо напоминавшего каюту, — того самого, где мне предложили приют в мою первую ночь на этом проклятом судне.

Тщательно подвернув края одеяла, я устроилась на соломенном ложе. Хрупкие стебли шуршали под моим весом, напоминая о том, что реальность теперь сурова и лишена всякого изящества. Я легла и сразу же свернулась в тугой клубок, подтянув колени к груди и обхватив

их руками. Уткнувшись лицом в руку, я попыталась спрятаться от всего мира, от холода, от себя самой.

Там, под кожей, всё ещё теплилась пугающая, жгучая вспышка — эхо его прикосновений. Виски пульсировали от бесконечных мыслей, не давая уснуть, но усталость была сильнее рассудка. Постепенно мысли становились тусклее, дробились, словно разбитые ракушки, и в этом шорохе приближающегося сна я вдруг поймала себя на жестоком признании.

Я не хотела, чтобы он остановился.

И это пугало меня больше, чем всё, что случилось на этом корабле.

Глава 9

Грохот. Резкий, оглушительный скрежет ломающегося дерева и тяжёлый, ритмичный топот кованых сапог прямо над головой.

Я подскочила на соломе, сердце мгновенно забилося где-то в горле. Сон слетел в секунду, оставив лишь липкий налёт тревоги. В крошечной темноте я лихорадочно нашарила ботинки — пальцы предательски не слушались, путаясь в шнурках. Подняла взгляд на крошечный квадрат люка: там, в лоскуте неба, всё ещё властвовала густая, чернильная ночь, но на палубе кипела жизнь. Чужая. Страшная.

А затем тишину разорвали выстрелы. Гортанные крики, звон стали о сталь...

Я замерла, боясь дышать, словно дикий олень, почуявший охотника. Страх не просто сковал — он парализовал, просачиваясь в кости ледяным свинцом. Ладонь сама метнулась к поясу, нащупав рукоять кинжала, который дала мне Ная. Холод металла отрезвил, но тут же пришло горькое осознание: чем он поможет? Я ведь ни разу в жизни не держала оружия ради боя.

Паника нахлынула горячей волной, а вместе с ней — жгучая, ядовитая ненависть к самой себе.

Дура... какая же я дура!

Перед глазами всплыло лицо Лемана. Сколько раз он предлагал научить меня стрелять? Сколько раз ласково убеждал, что я должна уметь постоять за себя, если его не будет рядом? А я лишь отмахивалась, лениво улыбаясь, уверенная, что моя жизнь всегда будет спокойной и безопасной. Я была слишком изнеженной, слишком самонадеянной. Теперь за эту наивность пришёл счёт.

В этой новой реальности не было места слабости. Теперь я знала: нужно быть готовой ко всему, иначе тебя просто сотрут в порошок.

— Ну же, шевелись, — прошептала я сквозь стиснутые зубы, заставляя своё мягкое, слабое, онемевшее от ужаса тело повиноваться.

Мне нужно было придумать план. Прямо сейчас. Я не собиралась подышать в этом вонючем трюме в обнимку с крысами. Если мне суждено встретить смерть, она не застанет меня дрожащим комком на грязной соломе.

Я осторожно двинулась вверх по лестнице, впиваясь пальцами в холодную древесину. В голове всплыл прошлый раз, когда я едва не свернула шею, поскользнувшись на этих ступенях. Самая нелепая смерть — погибнуть, так и не добравшись до поля боя, став жертвой собственной неуклюжести.

Когда я выбралась наружу, на палубу обрушился ад.

Первым чувством, как ни странно, было облегчение: нападавшими были люди, а не чудовища из бездны. Но оно растаяло мгновенно — человек, как известно, самое изощрённое и опасное из всех животных.

В призрачном лунном свете, чередующемся со вспышками выстрелов, разворачивалась кровавая драма. Звон металла заглушал крики раненых, искры от пороховых бомб расчерчивали темноту, а воздух пропитался едким дымом и запахом жжёной серы. Ноги отказывались слушаться, разум вопил, приказывая забиться обратно в тёмный угол. Я понимала, что в этом хаосе я — лишь обуза, лёгкая мишень. Но один взгляд на палубу подсказал горькую правду: удача сегодня была не на нашей стороне. Нас было меньше, и враги действовали с пугающей слаженностью.

Мысль о бесславной смерти в обнимку с крысами вновь заставила меня сделать шаг вперёд.

Я выскочила на открытое пространство и тут же нырнула в тень за мачту, пытаюсь оценить обстановку. Чужаки пришли не просто убивать — они пришли за наживой. Группа мародёров яростно теснила наших матросов, в то время как остальные целенаправленно пробивались к трюму и каюте Араса.

Доски под ногами стали скользкими и липкими. Опустив взгляд, я содрогнулась: палуба была залита кровью, блестящей в лунном свете, словно чёрное масло. Страшно было даже представить, сколько жемчужин — и жизней — придётся уплатить океану за эту ночь, если мы вообще её переживём.

Утро робко пробивалось сквозь завесу дыма и хаоса. Первые бледные лучи солнца окрасили горизонт, и в их слабом свете стало видно, как теряют силы контрабандисты. Их ярость угасала вместе с их рядами. И тут я увидела их.

Двое громил, чьи мускулы играли под грубой тканью, словно каменные валуны, волокли к перекидным мостикам две худощавые, отчаянно сопротивляющиеся фигуры. Закари! Иво!

Сердце сжалось от ужаса. Не думая ни секунды, я бросилась вперёд, готовая на всё, чтобы помочь им. Но прежде чем я успела сделать и шага, сильная рука отшвырнула меня назад, к самому краю палубы.

— Заткнись и сиди здесь! — прокричал Арас, его голос был хриплым от ярости и боли. Не дожидаясь ответа, он ринулся вперёд, словно обезумевший вихрь.

Противники, поняв, что за этих двоих юнцов капитан готов заплатить любую цену, начали отступать, пытаясь взять их в плен. Но Арас налетел на них — его парные мечи сверкали в утреннем свете, будто молнии. Но в этой безумной сече одному из гигантов удалось увернуться. Со всей своей чудовищной силой он нанёс удар дубиной Арасу по голове. Капитан пошатнулся, словно подкошенный самым крепким ромом, и рухнул на палубу. Подонки тут же ринулись к нему, намереваясь схватить и утащить.

Представшее зрелище резко вывело меня из ступора. Адреналин хлынул в вены, заглушая страх. Я быстро осмотрела угол, куда меня зашвырнул Арас. Пустые бочки, перевёрнутые бутылки с керосином, осколки роскошных перил, некогда украшавших капитанский мостик...

Керосин! Это был мой шанс.

Руки тряслись, но действовали сами. Оборвав подол длинной юбки, я разорвала ткань на полосы, смяла их, как снежки в детстве, и начала пропитывать содержимым бутылок, вставляя их в горлышки. Глаза резал невыносимый, едкий запах, но в состоянии аффекта я этого не замечала.

Корабль всё ещё дымился после пороховых бомб — огня было достаточно. Я нашла ближайшую горящую палку, подожгла свои снаряды и начала швырять их в перекидные мосты, соединявшие наше судно с вражескими.

Бросок. Ещё один. Третий... Первые горящие бутылки упали в воду, не долетев до цели. Сердце сжалось от отчаяния. Я подошла ближе, сделала ещё один, более сильный бросок... Получилось!

Мосты вспыхивали словно спички. Враги с криками падали с них в воду, их тела превращались в живые факелы. Запах керосина смешивался с отвратительным запахом горячей плоти. Ещё один бросок — и я попала в гиганта, который вытаскивал парней через борт. Он взвыл, как раненый медведь, и прыгнул в воду, бросив своих жертв висеть на фальшборте.

Я рванула к ним, пытаясь затянуть парней обратно. Арас лежал неподалёку, без сознания. Кровь медленно сочилась из раны на его голове, расплываясь по палубе багровым нимбом.

Матросы тем временем добивали тех, кто не успел убежать, будто воздавая кровавую дань за свои потери. Их лица светились не азартом, а жестокой сатисфакцией — акт мести, давно дозревший в сердцах. Я развязала парней и бросилась к Арасу. Он пытался их спасти — так бы не поступило существо, которое мечтало казаться чудовищем.

Его дыхание было редким и прерывистым, глаза наполовину закрыты, готовые вот-вот сомкнуться. Курчавые волосы впитали кровь, она липла к коже, струилась по шее. Закари и Иво опустились на колени рядом, их крепкие плечи дрожали, на смуглых щеках катились крупные беззвучные слёзы.

— Воду! Чистые тряпки! И лекаря! Быстрее! — выкрикнула я, вытаскивая парней из оцепенения. — Ему нужна помощь!

Закари, который уже склонился над Арасом, поднял на меня помутневший взгляд, полный ужаса.

— Лекарь... его... — он запнулся, голос сорвался в хриплый шёпот. — Его убили, Эйлин. Там, на носу... в самом начале боя...

Мертв? Сердце ёкнуло. Я положила голову Араса себе на колени, бережно вытирая кровь оборванным подолом.

Как же он всё-таки красив... Эта мысль промелькнула и тут же вызвала стыд — сейчас точно было не время для таких эмоций.

Мальчики кинулись за водой и тряпками, двигаясь как ураганы.

Я знала, как лечить — меня научила мать в прежней, казавшейся напрасной жизни. Рана оказалась неглубокой: череп цел, но сильный удар о балку рассёк кожу затылка. Наспех промыв рану, скользящими движениями я вытащила из кожи осколки и занозы. Одновременно поддерживая голову, я нащупала в сумке пузырёк с маминым заживляющим отваром. Откупорив его зубами, я пропитала чистую ткань и приложила к ране. Раздался протяжный стон — боль пронзила его, он отозвался на прикосновение, но шевелиться не мог.

— Он будет жить? — спросил Матиас, голос его дрожал, будто вся бывшая храбрость растаяла в крови на палубе.

— Будет, — ответила я твёрдо. — Но несколько дней проведёт в постели, прежде чем встанет, у него явно сильное сотрясение.

Матиас выхватил из толпы двоих крепких матросов. Аккуратно, почти церемониально, они подняли Араса и отправились с ним в капитанскую каюту. Я шла следом, готовая каждую секунду остановить их, если ему станет хуже. Слава стихиям — сегодня удача играла на нашей стороне. По крайней мере, с этим ранением всё обошлось.

Когда они уже собирались положить его на койку, Арас вдруг схватил за руку одного из матросов. Голос его хрипел, но слова звучали отчётливо:

— Дроган... домой.

Мужчина молча кивнул и, поджав губы, пошёл отдавать приказы команде.

Убедившись, что дыхание Араса выровнялось и он провалился в глубокий, целительный сон, я вышла из каюты. Нужно было занять руки делом — любая лишняя минута наедине с собственными мыслями казалась опасной. Я направилась на палубу, моя посильная помощь там точно не помешала бы.

Но стоило переступить порог, как реальность ударила под дых.

Первое, что я увидела, — бесформенная груда мёртвых тел. Контрабандисты лежали вповалку, их остекленевшие глаза безразлично отражали серое утреннее небо. Чуть поодаль стояли два плоты, сколоченных наспех — для наших. На одном из них лежал парень, которого ещё вчера старый матрос поучал, как правильно вязать узлы для таких вот плотов. Насмешка судьбы, злая и беспринципная.

К горлу подступила тошнота. Слёзы жгли глаза, застилая обзор. Столько жизней... ради чего? Ради короткой стычки в тумане? Мне стало по-настоящему страшно: что же ждёт меня на большой земле, если здесь, в открытом море, смерть собирает такую обильную жатву? Сколько ещё мне придётся провожать в последний путь?

Я сглотнула комок в горле и решительно закатала рукава. Нужно было привести корабль в порядок. Хаос не должен властвовать там, где люди пытаются выжить.

Матиас собирал ошметки былой роскоши, разлетевшиеся по палубе после взрывов. Я подошла к нему и начала молча помогать.

— Что будет с телами воров? — спросила я, сгребая обгоревшие щепки в тяжёлый холщовый мешок.

Матиас на мгновение замер, глядя на груды мертвецов.

— Они не получают наши жемчужины ни живыми, ни мёртвыми, — прохрипел он. — Сбросим их за борт ко всем морским чертям, пока солнце не заставило их гнить и вонять. Чертям тоже нужно что-то жрать. Может, набив пузо этими сволочами, они оставят нас в покое и уйдут на дно переваривать.

Старик хмыкнул и внимательно посмотрел на меня из-под кустистых бровей.

— А ты смелая девчонка. Я видел, как ты пареньков вытащила. И Араса не дала добить.

— Мне просто повезло, — быстро возразила я. — Я не знала, что делаю.

— Может, и повезло... — Матиас покачал головой. — Но если бы тебя с твоим «везением» тут не было, их бы уже море доедало. Команда тебе этого не забудет, помняи моё слово. Мы здесь все как семья, дева. А парнишки эти... они Арасу считай младшие братья.

Я замерла, вслушиваясь в его слова. Матиас продолжил:

— Он их подобрал, когда судно их отца разнесли в щепки. Там никто не выжил — только эти двое мальчуганов болтались в шлюпке среди обломков. Арас их вырастил, выучил всему. Мы, конечно, помогали как могли, но учителя из нас паршивые — некоторые и читать-то не умеют. У каждого за спиной своя история, и чаще всего дрянная. А Арас нас всех принял. Собрал из осколков один экипаж.

Он тяжело вздохнул и коротко кивнул мне, выражая негласное почтение.

— Спасибо тебе за него. В общем... спасибо.

Я стояла среди обломков и крови, глядя на уходящую вдаль морскую гладь, и внутри меня что-то окончательно надломилось. Образ жестокого тирана, который я так старательно выстраивала для Араса, осыпался пеплом, обнажая совсем другого человека. Человека, который строил дом из тех, кого мир выбросил на обочину.

«Как семья?» «Спас?» «Вырастил?»

Услышанное никак не желало укладываться в сознании, вступая в яростный спор с тем холодом, который он изливал на меня совсем недавно.

— Почему же он тогда так себя ведёт? — не выдержав, выпалила я. Голос предательски дрогнул.

— Как «так»? — Матиас усмехнулся, не отрываясь от работы.

— Как последний урод!

Старик зашёлся хриплым, надрывным смехом, от которого по моей спине пробежал холодок.

— Может себе позволить, деточка! Он за свои годы пережил столько, что хватило бы на две стариковских жизни. Ты сначала узнай историю человека, а потом выводы делай.

Матиас вдруг замер и наклонился ко мне. В его выцветших глазах мелькнуло что-то пугающее.

— Ты вообще хоть что-нибудь о нём знаешь? Знаешь, чей он сын? Знаешь, что именно он потерял, прежде чем стать тем, кого ты видишь перед собой?

Я невольно понурила голову, не зная, что ответить. Тяжесть мешка в моих руках вдруг стала невыносимой.

— Вот и не суди, — отрезал он, и тон его стал серьёзным. — Я не вправе тебе рассказывать. Захочет — сам откроется. А пока... не обижайся на него слишком сильно. Он так защищается. И тебя от себя защищает тоже.

Старик на мгновение замолчал, глядя куда-то за горизонт, где небо встречалось с водой.

— Никого из близких у него не осталось. Будто проклятье какое-то висит на всех, кого он смеет полюбить. Мутная это история, дева. Кровавая.

Он явно не собирался продолжать. Матиас резко отвернулся и, ворча что-то невнятное себе под нос, принялся с остервенением вычищать палубу. Я последовала его примеру, но работа больше не приносила облегчения.

Теперь, собирая щепки и обломки, я думала не о смерти и не о море. Я думала об Арасе. О человеке, который прятался за маской чудовища так искусно, что сам почти в неё поверил. И о «проклятии», которое, возможно, было единственной причиной его ледяного одиночества.

Глава 10

Корабль тяжело накренился, меняя курс, и паруса натужно заскрипели под напором ветра, словно жалуясь на усталость.

Матиас, занявший место у штурвала, коротко бросил, не оборачиваясь:

— Арас отдал приказ — идем к его «гнезду». Нужно восстановить силы и подлатать то, что еще можно спасти.

Он обвел тяжелым взглядом палубу, где матросы, измотанные и окровавленные, пытались привести судно в порядок. Перехватив мой взгляд, он продолжил.

— Ты видела наших парней? Они валяются с ног. У многих раны такие, что на этой жаре сгниют заживо через пару дней. Корабль сейчас — не крепость, а плавающий лазарет.

Мне оставалось только молча соглашаться, хотя внутри всё клокотало от беспокойства. Каждый день моего скитания по волнам мог стать последним для моего брата. Время утекало сквозь пальцы, как песок, но я понимала: мы не можем продолжать путь в таком состоянии. Если команда падет, я никогда не увижу его.

— До дома Араса при хорошем ветре всего полдня хода, — словно сам себе пробормотал моряк, крепче сжимая штурвал. — Хоть с ветром нам сегодня повезло.

Эти несколько часов прошли как в бреду — между перевязками раненых и короткими вспышками тревожного сна.

Остров выплыл из тумана внезапно, словно спрятанное от мира святилище. То, что я увидела, когда корабль вошел в тихую, зеркальную лагуну, заставило забыть обо всем: о ранах, о недавней схватке, о страхе.

Громадные отвесные скалы, укрытые густой зеленью, уходили высоко в облака, а вдали, сверкая оконными стеклами, виднелся город. Но моё внимание было приковано к их подножию.

Дом Араса не стоял на земле, он был её частью. Это величественное строение из светлого камня буквально вгрызалось в утесы, затянутые ковром из дикого плюща и мха. Казалось, сама гора породила эти изящные террасы и тяжелые своды, чтобы защитить их от ярости океана.

Он не возвышался, а бережно вписывался в скалистые изгибы, словно драгоценная жемчужина в раковине. Стены из грубого камня казались естественным продолжением скалистого грота. Широкие ступени уходили прямо в зеркальную бирюзу лагуны, исчезая в её прозрачной глубине. Весь нижний ярус представлял собой череду открытых террас и тенистых галерей, где массивные колонны удерживали на себе колоссальную мощь нависающей скалы.

С головокружительной высоты срывались тонкие серебряные нити водопадов. Их брызги таяли в воздухе легкой влажной пылью, а рокот воды здесь превращался в умиротворяющий шепот. Над открытыми балконами свисали лианы, сплетаясь в живой изумрудный шатер.

Всё в этом месте казалось нереальным, слишком безмятежным после безумия на палубе. Это было истинное убежище — место, где время наконец решило замереть.

Корабль скользнул вдоль скалы и мягко притерся к небольшой, искусно скрытой пристани. Матросы сходили на сушу, и в их движениях, несмотря на усталость, проявилась необычайная бережность. Они аккуратно переносили раненых, будто нежные отцы, укрывающие детей от непогоды. Каждый стон встречался заботливым словом или успокаивающим прикосновением.

Араса, всё ещё бледного и молчаливого, поднесли к главному входу, скрывавшемуся за густыми завесами плюща. Это были огромные ворота из темного дерева, будто вросшие в скалу. Арас приложил печатку своего кольца к холодному камню, и я услышала, как с глубоким гулом начали движение десятки засовов. Этот дом был крепостью, защищенной не только стенами, но и древней рунической магией.

Сделав первый шаг за порог, я очутилась в огромном зале. Он был наполнен мягким, рассеянным светом, проникавшим откуда-то сверху. В воздухе закружились мелкие блестящие частички пыли, напоминающие мириады крошечных звезд.

Я замерла, разглядывая убранство. Огромный каменный камин был сердцем комнаты. На полу лежали пушистые ковры темных тонов, поглощающие звук шагов. Роскошные диваны добавляли уюта, а тянувшиеся вдоль стен резные шкафы, уставленные рядами старинных книг, манили замысловатыми обложками. Многочисленные полки пестрели изящными вазами из металла и драгоценных камней. Здесь были собраны лучшие произведения мастеров со всего мира, и я чувствовала, что могла бы бесконечно разгадывать их истории.

Но у моряков, явно бывавших здесь не раз, не было времени на созерцание.

— Поторапливайся, — скомандовал Дроган, обращаясь ко мне. — Мы выгрузим остатки припасов, а твоя задача — осмотреть раненых и помочь. Скоро стемнеет, все заночуем здесь. Нет сил растапливать все печи в этом склепе.

Я молча кивнула. В голове всё ещё кружились образы этого дома, но руки уже тянулись к сумке с медикаментами.

Сразу за выходом из гостиной располагалась огромная терраса. В сумраке, усиленном тенью нависающих скал, я принялась зажигать лампы, и с каждой вспышкой света пространство оживало.

Несколько небольших потоков низвергались прямо со стен в огромный, вырубленный в камне резервуар, напоминавший древнюю купель. Из него вода срывалась дальше вниз, создавая новый водопад, брызги которого оседали на влажных камнях. Капли, отражая свет, превращались в поток золотых искр, заполняя пространство волшебным мерцанием. Вокруг стояли мраморные вазы с невиданными растениями, чьи раскидистые листья создавали атмосферу тропического леса. Мебели было немного: лишь лавки из темного дерева с мягкими, расшитыми экзотическими орнаментами подушками.

«Не терять время на глупости», — одернула я себя, хотя взгляд так и тянулся к окружающему великолепию. Моей главной целью была вода. Нужно было промыть и обработать раны, пока инфекция не взяла своё. Я проверила резервуар — вода оказалась пресной и чистой.

Мои неизменные помощники, Закари и Иво, уже успели набрать её в медные чаны. И, воспользовавшись моим минутным замешательством, начали брызгаться и резвиться, как молодые жеребцы.

«Вот оно, ещё одно преимущество юности», — промелькнула мысль. — «Способность находить радость даже в самых ужасных ситуациях».

Пытаясь придать голосу строгий тон, я наконец осадил мальчишек:

— Ну-ка, хватит! У нас тут не купальня, а лазарет. За работу!

С этими словами, держа чаны с водой, мы отправились на помощь пострадавшим.

Условия были не идеальными, но это было лучше, чем ничего. Дроган и Матиас помогли разложить импровизированные кровати — жесткие, но чистые лежанки. В огромном зале стоял густой, железистый запах запекшейся крови, смешанный с едким потом.

Я с усилием подавила тошноту. Сейчас не время для слабости, нужно было сконцентрироваться на даре, чтобы понять, кому помочь в первую очередь. Ранее, в моей прежней жизни, истинное Зрение было скорее развлечением — я могла различать тончайшие нити магии, исходящие от каждого живого существа, но никогда не думала, что этот дар поможет спасти жизни. Он уже помог мне найти Араса — не должен подвести и сейчас.

Я собрала все силы в кулак, почувствовав, как в груди нарастает теплый шар энергии. И тут в глазах полыхнули сотни искрящихся потоков света, растянувшихся по всей гостиной сложной паутиной. Это была сама суть их существ, жизненная аура. Она была тусклой, местами истончена или порвана, словно прохудившаяся ткань. Оставалось понять, чья жизненная сила на критическом пределе.

Я работала быстро, словно отточенный инструмент. Мой дар позволял видеть, где энергетическое поле нарушено сильнее всего, где зияли дыры, сквозь которые утекала жизнь. Моя задача была — укрепить эту ауру, залатать эти дыры.

Закари и Иво, забыв про игры, теперь подавали всё необходимое: чаны с водой, чистые куски ткани и бутылочку с маминым отваром. Парни учились на ходу, помогали удерживать головы раненых, аккуратно вытаскивали занозы. В их глазах, помимо страха, читалось растущее понимание важности момента.

Я методично промывала раны, стараясь действовать как можно мягче, но при этом тщательно. Боль от касания воды заставляла раненых стонать, иногда — вскрикивать, но никто не жаловался. Сквозь завесу боли я видела, как мои прикосновения, усиленные отваром, восстанавливают целостность их ауры. Я чувствовала, как эти тонкие пульсации, прежде тусклые, под моими пальцами становятся ярче и прочнее, запечатывая утечки жизненных сил.

Чувствовалось общее напряжение, каждый здесь понимал: сегодня мы — одно целое, и выживем только вместе.

Закари, оказавшийся самым ловким, помогал с перевязками. Его пальцы, еще недавно неуклюже орудовавшие шнурками ботинок, теперь уверенно прикладывали компрессы. Иво, более спокойный, отвечал за чистоту и подачу инструментов.

Когда дело доходило до глубоких, рваных ран, я доставала драгоценную мазь. Легкое шипение, едва уловимый травяной аромат, и рана начинала стягиваться. Я видела, как облегчение разливалось по лицам тех, кого удалось обработать.

— Это лучшая мазь, что я видел, — прохрипел один из матросов, чью руку я только что перевязала. — Настоящее чудо.

Процесс шел медленно, но неуклонно. Наконец, когда последний раненый был перевязан, я позволила себе оглядеться. Мои руки, перепачканные в крови по локоть, вымокшая до нитки одежда, волосы, разлетающиеся по мокрому от напряжения лицу — всё говорило о полном истощении. Но сквозь усталость разливалось тихое, яркое чувство. Счастье от того, что мой дар не оказался бесполезной пустышкой. От того, что я смогла спасти столько жизней.

Взяв из сумки последнюю смену чистой одежды — свободные брюки из грубого льна и просторную рубашку цвета песка — я отправилась обратно на террасу. Водопады, которые ещё недавно казались верхом изыска, теперь были просто средством спасения. Мне нужно было смыть с кожи запекшуюся кровь и липкую тяжесть этого дня.

Я встала прямо под ледяные струи. Вода обрушилась на плечи, выбивая из легких остатки воздуха. Сейчас я бы отдала всё за горячую ванну, но такая роскошь была недоступна. Моряки были слишком измотаны, чтобы растапливать котлы в этом каменном лабиринте. Да и у меня не осталось сил на поиски приличного душа.

Вымывшись насколько это было возможно и дрожа от холода, я поспешно переоделась.

По возвращении в гостиную я увидела, что матросы уже повалились кто где: на коврах, диванах или прямо на полу. Пробравшись к камину, единственному источнику тепла, я устроилась на мягком ковре. Тепло медленно проникало сквозь одежду, расслабляя одеревеневшие мышцы. Стоило моим векам сомкнуться, как мир перестал существовать, и я провалилась в тяжелый, беспросветный сон.

Глава 11

Проснулась я от мерного гула водопадов и низкого, сонного сопения моряков. В гостиной всё еще пахло остывшим камином. Рассвет едва касался стен, окрашивая всё в холодные синеватые тона.

Тихо поднявшись, чтобы не разбудить команду, я поймала себя на мысли, что мечта о горячей ванне так и не оставила меня. Но прежде чем предаваться мечтам, нужно было позаботиться о земном: рота голодных, израненных мужчин вряд ли будет дружелюбна, если проснется в пустой крепости без завтрака. К тому же, раненым нужны силы.

Стараясь ступать как можно тише, я выскользнула из гостиной. За порогом открылся огромный холл, от которого захватывало дух. В рассветном сумраке по кругу виднелись резные двери. В их полотна были вставлены куски цветного морского стекла — обточенные волнами, они поблескивали в тени, словно призрачные драгоценные камни.

В центре моего внимания оказалась лестница. Похожая на драгоценную змею, она плавно извиваясь, уходила вверх, вырезанная из цельных глыб полупрозрачного зеленого нефрита. Ступени укрывал ковер цвета ночного моря, на котором сверкали вытканые звезды, создающие чувство, что под ногами мерцают настоящие созвездия. Казалось, что лестница ведет не на второй этаж, а прямо в небо.

Далеко вверху виднелся стеклянный купол — сквозь него уже пробивались первые лучи солнца, заставляя нефрит светиться изнутри мягким, призрачным светом. Я замерла на мгновение. Этот дом был не просто убежищем, он был настоящим произведением искусства, спрятанным в диких скалах.

Собрав волю в кулак и подавив желание немедленно исследовать верхние этажи, я отправилась на поиски кухни, ориентируясь на запахи и интуицию.

Первым делом я решила обследовать первый этаж — здравый смысл подсказывал, что кухня должна быть где-то здесь. Осторожно потянув на себя ручку первой же двери, я замерла. Из моей груди вырвался невольный вздох, в котором смешались благоговейный трепет и леденящий ужас.

Это был настоящий храм войны. Оружия здесь оказалось столько, что им можно было снарядить сотню воинов. Но эти клинки не были похожи на грубое железо матросов — то, что я видела, напоминало трофеи или выставку смертоносного искусства.

Золотые и серебряные эфесы мечей ослепительно сверкали, инкрустированные крупными драгоценными камнями. Рядом покоились кинжалы с платиновыми рукоятями, заворачивающиеся литьем в виде морских змеев. Даже ружья из тяжелого красного дерева манили изысканной резьбой.

Ведомая колючим, пугающим любопытством, я подошла ближе. Мой взгляд скользнул по зеркальному лезвию одного из мечей, и вдруг сердце пропустило удар. На безупречной стали, у самого основания, я заметила темные, неровные коричневые пятна.

Застарелая, вьевшаяся в металл кровь.

В ту же секунду меня прошиб ледяной пот. В памяти всплыли картины вчерашней битвы: ледяной взгляд Араса, хруст костей и те жуткие, захлебывающиеся крики. Вся эта роскошь, всё это золото и платина были лишь красивой оберткой для смерти. Каждая из этих изящных вещей была создана с одной целью — убивать.

Комната вдруг показалась тесной и душной, словно пропитанной запахом бойни. Я отступила назад, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. Развернувшись, я почти выбежала, захлопнув дверь, словно пытаюсь отгородиться от осознания того, в чьем доме я на самом деле нахожусь. Этот дом, который минуту назад казался сказочным дворцом, внезапно обнажил свои клыки.

Когда дрожь утихла, я заставила себя продолжить поиски. Пытаясь абстрагироваться от увиденного, я начала проверять оставшиеся двери. Многие оказались заперты наглухо — тяжелое дерево и холодный металл словно шептали, что дом скрывает тайны, к которым мне лучше не приближаться.

Лишь с седьмой попытки замок наконец поддался. Я толкнула дверь и оказалась на кухне.

Она была огромной. В полумраке высились массивные разделочные столы, покрытые нетронутым слоем серой пыли. Вдоль стен на магнитных подставках и крюках застыли ряды ножей; их лезвия зловеще подмигивали холодной сталью, отражая робкие лучи света. Впечатляющих размеров медные чаны, закопченные сковороды и огромные печи намекали, что когда-то этот дом был полон жизни и шумных пиров. Но сейчас здесь царила лишь гулкая, мертвая тишина.

Я быстро осмотрела полки, но не нашла ничего съестного — лишь пустая посуда и голый камень. Пройдя вглубь, я заметила в углу еще одну дверь. Она была крепкой, деревянной, но дерево вокруг замка заметно обшарпалось и истерлось, будто её открывали тысячи раз. Это было единственное «живое» место во всём зале.

Понимая, что здесь должно храниться всё важное, я потянула ручку. Распахнув дверь, я очутилась в огромном прохладном помещении, где каждый шорох отзывался эхом. Здесь не было изысканных деликатесов, зато всё дышало практичностью людей, привыкших к долгим походам.

По периметру комнаты тянулись бесконечные ряды полок. Под сводчатым потолком на тяжелых крюках покачивались окорока вяленого мяса, покрытые солью и специями, и связки сушеных трав. На нижних ярусах ровными рядами стояли вощенные головки твердого сыра и запечатанные глиняные кувшины — судя по запаху, в них томились в масле вяленые томаты и пряные оливки. Это была кладовая крепости, готовой к любой осаде: мешки с крупами, бочки с солониной и бесконечные запасы того, что не боится времени.

Особенно впечатлял винный отдел. Бутылки из темного стекла, покрытые легким слоем пыли, покоились в деревянных ячейках, словно спящие солдаты.

Вдруг за спиной раздался звонкий голос, заставивший меня вздрогнуть и выпустить из рук кусок ткани, которым я обтирала пыль с бутылки масла.

— А ты быстро ориентируешься! — Закари вбежал в кладовую, ворвавшись в это застывшее место как лучик света. Его глаза азартно блеснули, а на лице играла привычная широкая улыбка. — Иво и остальные парни ещё спят без задних ног, а я жуть какой голодный... Давай помогу?

Он оглядел полки с таким видом, будто оценивал сокровища в пещере разбойников.

— Устроим «семейный» завтрак, а то эти животные проснутся и сожрут друг друга от голода! — он весело рассмеялся и, сорвав со стены большую плетеную корзину, решительно двинулся к полкам. — Чур, я отвечаю за лепешки! Мой отец был коком на военном фрегате... Ох, какое он рагу готовил! Ты бы тарелку вылизала, клянусь. Никогда ничего вкуснее в жизни не ела!

На мгновение его голос дрогнул, и в глазах промелькнула тень. Секунду промедлив, он резко встряхнул головой, словно прогоняя тяжелые мысли, и с удвоенной энергией принялся скидывать в корзину продукты: кусок сала, мешочек муки, вяленое мясо.

Видя его энтузиазм, я невольно улыбнулась. Тяжесть, осевшая в душе после оружейной комнаты, начала отступать. Я бросилась ему помогать, выуживая из кувшина соленые томаты.

— Чур, мне самую первую лепешку! — прокричала я, стараясь разрядить обстановку.

Закари снова рассмеялся, полный жизни звук отразился от каменных сводов, делая их чуть менее пугающими.

— Договорились, Элли! Ты вчера столько с нашими ребятами провозилась, что заслужила целую гору лепешек. За работу!

Перебрасываясь шутками, мы наполнили корзину и отправились обратно на кухню. Теперь, когда рядом был этот неунывающий мальчишка, старые ножи на стенах уже не казались такими зловещими, а огромная пустая печь ждала лишь того, чтобы мы вдохнули в неё жизнь.

Запах свежей выпечки сотворил настоящее чудо. Он просочился в гостиную, выметая остатки ночного холода и тяжелых снов. Морякам не потребовалось приглашение — учуяв аромат поджаренного теста и пряных трав, команда начала просыпаться. Отовсюду слышалось кряхтение, сонный ропот и потягивание. Голод оказался лучшим будильником.

Мы быстро накрыли большой стол в центре зала. На нем высились стопки горячих лепешек, стояли миски с соленой рыбой, нарезанный сыр и вяленое мясо.

Закари, сияющий от гордости и покрытый тонким слоем муки, торжественно протянул мне самую первую лепешку, еще дымящуюся, с хрустящей золотистой корочкой.

— Вот, твоя! — провозгласил он с церемонным поклоном. — Как и договаривались. Самая горячая и удачная.

Только сейчас, когда еда оказалась прямо передо мной, я по-настоящему почувствовала, насколько истощена. Желудок жалобно сжался. Я впилась зубами в мягкое, теплое тесто и невольно зажмурилась.

— Закари... — я издала тихий стон удовольствия, когда вкус свежего хлеба и соли заполнил рот. — Да у тебя талант! Это просто божественно.

— Точно говоришь, Элли! — донесся басовитый голос из толпы матросов, которые уже активно набивали рты. — Ему бы хорошую плиту в столице да продуктов побогаче, он бы всех шеф-поваров элиты переплюнул!

Парни одобрительно закивали, довольно переглядываясь. На щеках Закари мгновенно проступило смущение. Он по-мальчишески отмахнулся, пытаясь скрыть довольную улыбку, и, пробормотав что-то невнятное, стремительно унесся обратно на кухню за новой порцией.

Атмосфера в зале изменилась. Это больше не была группа израненных наемников и пленница. За этим столом, деля хлеб и обмениваясь шутками, мы казались своеобразной, кочующей семьей, нашедшей временный приют. Даже раненые, которым мы с Иво передали еду, казались сегодня бодрее.

Насытившись, я почувствовала, как по телу разливается приятное блаженство. Жизнь снова обретала краски, а страхи, терзавшие меня в оружейной, на время отступили, вытесненные теплом очага и сытостью. Но я знала, что это лишь короткая передышка.

Как только последние крошки были убраны со стола, моряки начали суетиться. Они вставали, потягивались, обменивались шутками и собирали пожитки, явно готовясь куда-то отбыть. Я наблюдала за ними, пока Матиас, самый старший, подошел к очагу, чтобы поправить угли.

— Куда вы засобирались? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Старик повернулся ко мне, и на его морщинистом лице мелькнула хитрая усмешка.

— Милочка, мы неведомо сколько времени не ступали на сушу. Парни хотят погулять, пополнить запасы табака да пороха, да по шлюхам побегать! И уже кинули жребий, кто из уцелевших останется латать корабль! — он хихикнул, кивнув в сторону понурой компании матросов, которым сегодня светили только молоты и гвозди. — Да и запасы еды нужно пополнить... У тебя, конечно, талант, но в кладовой скоро мышь повесится.

— Ну, конечно, — съехидничала я, скрестив руки на груди. — Сначала шлюхи, потом еда. Приоритеты расставлены идеально.

Матиас лишь пожал плечами, невозмутимо улыбаясь.

— Без доброй шлюхи и о еде не думаешь, дочка. А если серьезно, нужны припасы. И люди хотят развеяться. Завтра уже отчаливаем.

Эта новость заставила меня нахмуриться. Завтра? Так скоро? Я вдруг почувствовала острое желание остаться в этом доме, который, несмотря на свои тайны, успел стать для меня

чем-то большим, чем просто убежище. Но Матиас уже подмигнул мне и направился к выходу, призывая остальных. Шумная команда потянулась за ним, оставляя меня одну в опустевшей гостиной.

Недолго думая, я решила напроситься с ними. Хотелось проветриться, отвлечься от навязчивых мыслей о брате и прошлой ночи. Быстро натянув на ноги выдавшие виды ботинки, я догнала Матиаса, который как раз направлялся к выходу.

— Я пойду с вами! — бросила я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Парням уже стало лучше, моя помощь больше не требуется, и мне ужасно хочется посмотреть город. Я ведь нигде не была, кроме своей провинции, — добавила я, глядя на него с надеждой.

Старик, видимо, проникся моей искренностью. Он согласился, но с видом заботливой тётушки, которая опасается за свою неопытную племянницу, начал меня предостерегать:

— С незнакомыми мужчинами не разговаривай, — строго наказал он, указывая пальцем мне в лицо. — Держись поближе к главным улицам, гделюдно. Не хотелось бы потом вылавливать тебя по кусочкам из городских канав или отбивать от работорговцев.

Я слегка напряглась, услышав о бандитах и работорговцах. Мне и самой не хотелось доставлять неприятности ни себе, ни этим людям. Поэтому я смиренно кивнула:

— Хорошо, Матиас. Буду осторожна.

— Вот и умница, — улыбнулся он, и его взгляд стал мягче. — Тогда иди, готовься. Скоро выходим.

Глава 12

Базар располагался сразу у входа в город и издалека напоминал расстеленный на земле пестрый восточный ковер. Стоило ступить под его арочный вход, как шумные улицы, кишасшие покупателями с громоздкими сумками и тележками, затащили меня в свой водоворот. Женщины, словно стайки ярких птиц, толпились у лавок с диковинными тканями и сверкающими украшениями.

Продавцы, стараясь перекрычать друг друга, зазывали покупателей, расхваливая свой товар. Кое-где мелькали палатки гадалок, предсказывающих будущее по кофейной гуще, и ловкачей-фокусников, чьи пальцы порхали быстрее мысли. Воздух был густо напоен ароматами: повсюду возвышались пирамиды ярких, пахучих специй — корицы, кардамона, шафрана, звездчатого аниса.

У меня захватило дух от этого буйства цветов, звуков и запахов. Горы сладостей, покрытые медовой глазурью и орехами, приманивали не только детей, но и целые тучи пчел. Да и все здесь напоминало один большой, гудящий пчелиный улей, живущий своей особой, неистовой жизнью.

Я прогуливалась по узким мощеным улочкам, пробираясь между прилавками, не в силах оторвать взгляд от этого пышного, головокружительного разнообразия. Хотелось раствориться в этом хаосе красок, потеряться в многоголосье. Каждый продавец, заметив мои замороженные глаза, тут же предлагал попробовать свой товар. И я, чувствуя себя ребенком, который впервые открывает для себя мир вкусов, была не в силах отказать. Я даже пожалела, что так плотно позавтракала утром — слишком уж притягательными казались россыпи тропических фруктов и ароматные пряные сыры.

Внезапно сквозь густую толпу и бесконечные ряды лавок я увидела яркое, необыкновенное мерцание. Что-то притягивало взгляд, заставляя инстинктивно двинуться в ту сторону. Подойдя ближе, я обнаружила лавку с лампами ручной работы, выполненными из сияющей меди и многоцветного стекла.

Зайдя внутрь, я словно оказалась в калейдоскопе всех немыслимых оттенков. Воздух наполнился нежным звоном крошечных стеклянных подвесок. Медные резные лампы бросали на стены отблески тысяч золотых огоньков, танцующих в полумраке. Цветы, искусно выложенные из цветного стекла, казалось, сияли изнутри собственным, живым светом. Я зачарованно крутилась на месте, пытаюсь охватить всю эту красоту.

— Нравится? — раздался за спиной хриловатый, но добродушный голос, вырвавший меня из плена огней.

Я обернулась и увидела старую торговку. Её смуглое лицо было испещрено добродушными морщинками, а глаза светились хитрым огоньком.

— Безумно! — выдохнула я, всё еще под впечатлением. — Кто все это делает? Это словно волшебство, заключенное в металл и стекло.

Продавщица лукаво улыбнулась, сложив руки на животе.

— Это всё работы рук моего мужа и сыновей. Хоть они и бестолковые, до сих пор не женились и не наделали мне внуков, — она насупила брови, и на её резко померкшем лице показалось неприкрытое разочарование, — но руки у них растут откуда надо, это верно. А я уже старая, и, видимо, не дождусь от них детишек... — вздохнула она, покачав головой. — Вот так-то, милочка. Нарожает детей, думаешь о беззаботной старости, как будешь сидеть дома и печь пироги внучатам, а приходится торчать в этой лавке с дурацкими лампочками.

Она махнула рукой на блестящие шедевры вокруг, словно это были обычные безделушки. В её словах чувствовалась усталость, но и глубокая, нежная любовь к тем самым «бестолковым» сыновьям, которые создавали это чудо.

Старуха еще немного поворчала, проклиная весь свет, «дурацкие лампочки» и несбывшиеся мечты о внуках, затем, словно спохватившись, окинула меня заинтересованным, без тени стеснения взглядом.

— Дорогуша, а я погляжу, ты не местная? — она окинула меня оценивающим взглядом с ног до головы. — В нашем городе молоденькие так не одеваются, все по моде и в шелках. Тебя откуда занесло?

Немного смутившись, я решила не вываливать на нее всю правду. Рассказала, что пришла сюда на корабле с торговцами в качестве лекаря. Опасно было говорить про контрабандистов и Араса, тем более что теперь мне было сложно доверять людям. Даже если старушка и не желала мне зла, она вполне могла разнести сплетни, которые быстро достигли бы нужных ушей.

— Что за корабль? — подняв бровь, спросила старушка с нескрываемым интересом.

— «Теана», — не подумав, ответила я.

Лицо женщины тут же озарила лучезарная улыбка.

— Арас! Вот чертенок! Мог бы и сам заскочить, сто лет его не видела! Где он? Хочу надереть его костлявую задницу! Хоть бы заглянул к старой тетке Фатме! Не стыда ни совести! — она весело расхохоталась, ударившись в воспоминания. — В прошлый раз они с моими парнями напились и разгромили мне всю кухню! А с утра он улизнул, не попрощавшись!

Она покачала головой, и её взгляд на мгновение затуманился нежностью.

— Люблю этого стервеца! Маленький такой хорошенький был, курчавый, глазища на пол-лица, щеки красные! Мы дружили с его родителями, хоть они и богатые были, но не заносчивые, мы с ними очень милые люди!

Вдруг улыбка Фатмы погасла, сменившись тенью застарелой, тяжелой печали. Она отвела взгляд, и её голос стал тише, почти превратившись в шепот:

— А потом, когда всё случилось... И навка эта его... ох, не хочу и вспоминать. Жалко их, конечно... хорошие были.

Она замолчала, и в лавке на мгновение повисла тяжелая, звенящая тишина. Слово «навка» застряло у меня в голове — я не знала, имела ли она в виду корабль, злой рок или какую-то женщину из рода нави, но спрашивать не решилась, видя, как глубоко спрятана эта боль.

Я внимала её словам, не решаясь перебить — нечасто мне предоставлялся шанс узнать хоть что-то о прошлом Араса. Но внезапно женщина замолчала, её взгляд скользнул по моему заинтересованному лицу, и она, кажется, осознала, что сболтнула лишнего. Хитрый огонек в её глазах потух, сменившись лукавой задумчивостью.

— Ну да ладно, что было то было... — проворчала она, махнув рукой. — Скажи ему, чтоб заскочил до отъезда, и передай, что тётка Фатма больше не сердится! — она добродушно подмигнула.

Затем женщина начала рыться в деревянной столешнице, стоявшей перед ней.

— А это тебе, красавица, — немного волнуясь, она протянула мне небольшие аккуратные серёжки с искрящимися на солнце изумрудного цвета бусинами. — Когда у парней остается стекло, я делаю всякие маленькие безделушки от скуки...

Я подошла к висевшему на стене зеркалу, сняла свои старые маленькие гвоздики из простого металла и надела подарок Фатмы. Бусины ярко сверкали, отражая свет ламп.

— Спасибо большое... Они очень красивые! — искренне поблагодарила я, и это было правдой.

— Ну, красавица! Невеста! А как с твоими волосами рыжими хорошо сочетаются! — воскликнула Фатма, её лицо снова просияло. Она подошла ближе, пытаясь рассмотреть меня. — Дай-ка, рассмотрю тебя... Жених-то есть? Если нет, у меня вон целый отряд готовых! Мигом познакомлю!

Я учтиво улыбнулась, но отказалась от столь «заманчивого» предложения. Личная жизнь сейчас волновала меня меньше всего, когда на кону стояла судьба брата. Ещё раз поблагодарив радушную хозяйку и пообещав передать Арасу, чтоб он готовил свою задницу к встрече, я выскользнула в гущу базара.

Резкий солнечный свет ненадолго ослепил меня после полумрака лавки, но быстро сориентировавшись, я увидела Закари и Иво. Они шли в сторону дома, таща по дорожке внушительных размеров телегу, нагруженную припасами, и оживленно обсуждали базарные новости. Кажется, их миссия тоже увенчалась успехом.

Быстро догнав парней, я отправилась с ними обратно, чувствуя острое желание поскорее спрятаться от полуденного пекла и оглушительного шума в тихом, прохладном доме. Признаться, я изрядно устала от гомона толпы, пестрящих прилавков и навязчивого ощущения чужих взглядов. И, конечно, потребность в полноценной ванне лишь возросла — не могли же они, в самом деле, мыться в водопадах?

На этот раз неприступная крепость встретила нас совершенно иначе. Гостиная, которую мы покинули утром в беспорядке, теперь сияла чистотой и порядком. Парни, оставшиеся в доме, не теряли времени даром: камин был распален, отчего в зале было уютно и тепло, а вчерашний импровизированный лагерь из одеял и бинтов разобран. Тяжелораненых, видимо, уже перенесли в отдельные комнаты. Гостиная вновь приобрела свое бывшее величие, её высокие своды казались ещё просторнее в мягком свете горящих поленьев.

Я вышла на террасу, надеясь немного отдохнуть и остыть после раскаленных улиц города, наслаждаясь видом на лагуну. Однако мое уединение, как и ожидалось, быстро прервали. Почти сразу же появился Закари, неся в руках глиняный кувшин.

— Я подумал, что ты, наверное, хочешь пить? — простодушно поинтересовался он, протягивая мне кружку с освежающим, чуть кисловатым соком из каких-то новых фруктов, купленных на базаре.

Я с благодарностью приняла её.

— Спасибо, Закари. Самое то.

Он немного помедлил, а потом выпалил:

— Арас очнулся. Он попросил меня, чтобы я проводил тебя в одну из комнат на втором этаже. Парни уже растопили там камин. Я, правда, ни разу не поднимался туда, но думаю, что не заблужусь. Капитан сказал, что там на двери должны быть птицы и цветы. Наверное, ты хочешь отдохнуть и привести себя в порядок?

— Я настолько плохо выгляжу, если мне выделили для этого целую комнату?! — отшутилась я, хотя мне явно польстило, что Арас подумал о моем комфорте. Особенно, если учесть, что ранее он отдал в моё распоряжение лишь трюм, полный крыс. В его действиях не было никакой логики, но это, похоже, было частью его натуры.

Посидев немного на террасе и допив сок, который приятно освежил и придал бодрости, мы с Закари поднялись обратно в дом. Я чувствовала, как усталость после базара начинает брать своё.

Закари почему-то отобрал у меня мою легкую сумку, которую я всё ещё держала в руке.

— Хоть один джентльмен на этой посудине! — рассмеялась я, но тут же почувствовала, как щеки заливает краска. Парень смущённо опустил глаза.

Я ожидала увидеть чердак, усеянный экскрементами чаек, и холодное корыто, но комната за перламутровой дверью лишила меня дара речи. Из окон лился густой золотисто-малиновый закатный свет, камин из белого камня всюду трещал, а огромная кровать с вишневым покрывалом манила броситься в её объятия.

Закари, заметив мой восторг, встрепенулся:

— Точно! Забыл сказать. В комнате есть отдельная ванная, вода уже нагрелась. А Иво перерыл все запасы и подобрал тебе чистую одежду в шкафу. У него из нас лучший вкус в таких делах.

Поблагодарив мальчишку, я осталась наедине с этой роскошью. В шкафу действительно обнаружился целый гардероб — от помпезных шелковых платьев до кожаного боевого комплекта. Я вытянула просторный костюм дымчатого цвета из мягкой ткани и почти бегом понеслась в ванную.

Там меня ждала каменная купель, до краев наполненная горячей лавандовой пеной. Быстро стянув пропахшие потом обноски, я с наслаждением погрузилась в воду. Мгновенное расслабление охватило тело, смывая тревоги и вчерашний ужас. Сквозь огромное окно было видно, как солнце медленно тонет в бухте, раскрашивая море в пурпурные тона. Наверное, впервые за последние дни я ощущала себя счастливой.

Намыливая кожу душистым мылом, на бёдрах я заметила несколько неровных, темно-лиловых синяков. Эта сволочь оставила на мне свои отпечатки. Но злости, как ни странно, не было. Вместо нее внутри вспыхнула странная, пугающая искра возбуждения, напомнившая о той ночи на палубе. Злясь на себя за эту секундную слабость, я принялась сильнее тереть бёдра мочалкой, словно пытаюсь смыть не только следы, но и саму память о нём.

Когда я наконец покинула этот пенный рай, усталость полностью ушла. Ощущая себя обновленной и полной энергии, я натянула мягкий домашний комплект и отправилась вниз, чтобы продолжить свои исследования этого удивительного дома.

Глава 13

Этот вечер наступил неожиданно тихо. После суматохи и крови последних дней тишина дома Араса казалась почти оглушительной. Я нашла укромный уголок на одной из нижних террас — той самой, что выходила прямо к лагуне. Здесь, в тени раскидистых деревьев, стоял низкий мягкий диван, а перед ним — каменный стол-очаг, в центре которого лениво плясало прирученное пламя.

Но прежде чем отправиться на улицу, я заглянула в кладовую, где была днём. Я выбрала бутылку с едва различимым клеймом южных виноградников, прихватила кусок какого-то сыра и горсть орехов. Собрав свой скромный ужин, я поспешила вернуться к свету очага.

Устроившись на диване, я поджала под себя успевшие остыть от холодного каменного пола террасы ноги. Ткань свободных брюк и рубашки приятно обнимала кожу. Я смотрела на огонь, слушая, как шепчут водопады, и пыталась собрать осколки своей жизни в какую-то понятную картину.

Шорох шагов за спиной заставил меня вздрогнуть. Я не обернулась — я узнала этот тяжёлый, чуть неровный шаг.

— Можно составить компанию в этот вечер столь прекрасной даме? — голос Араса прозвучал хрипло, с той самой знакомой язвительной ноткой.

Я медленно повернула голову. Он стоял в тени дверного проёма, прислонившись плечом к косяку. Бледный, с тёмными кругами под глазами, которые казались ещё ярче на фоне белой повязки, обмотанной вокруг головы. Он выглядел слабым, но в его осанке всё ещё сквозила та опасная уверенность, которая так меня завораживала.

— Я думала, что ты не привык спрашивать моего согласия, — ответила я, глядя ему прямо в глаза. Фраза повисла в воздухе тяжёлым намёком на ту ночь, которую мы оба не спешили обсуждать.

Арас криво усмехнулся, принимая удар. Он медленно прошёл к дивану и, вопреки моей колкости, сел неподалёку. Его движения были скованными, он явно страдал от боли, но старался этого не показывать. Молча взяв второй бокал, он наполнил его вином и сделал долгий глоток.

— Остро, — коротко бросил он, кивнув на мои слова. — Но справедливо. Матиас сказал, ты спасла моих парней. И меня.

— Я просто не хотела остаться одна на корабле, полном трупов, — парировала я, пригубив вино. — Исключительно практический интерес.

— Врёшь. Ты не из тех, кто делает такие вещи ради выгоды. Мне рассказали, как ты латала моих матросов. Твои руки могут быть твёрдыми, но сердце — нет.

Мы замолчали. Пламя перед нами потрескивало, отражаясь в его тёмных глазах.

— Зачем тебе на самом деле в столицу, Эйлин? — вдруг спросил он, и в его голосе больше не было издёвки. — Это не место для прогулок. Для такой, как ты, это эшафот.

Я долго смотрела на свои руки, сжимающие бокал. Почему-то мне захотелось поделиться — скрывать правду не имело смысла.

— Мой брат — Дамиан, — тихо произнесла я. — Я отправилась на его поиски.

Арас замер, и в его глазах промелькнуло что-то, похожее на интерес.

— Он Искра. Мы с родителями оберегали его и скрывали три года, но его похитили. Мой дар помогает мне найти путь, и этот путь ведёт в столицу. — В голосе дрогнула старая боль. — Это произошло, когда мы были дома. Инквизиторы уже ломились в ворота, мой отец кричал, чтобы я бежала. Но я держала брата на руках, и тут в комнате из теней появился человек в чёрном плаще. От него исходила такая мощь, что моё Истинное Зрение ослепло.

Я сделала глубокий вдох, вспоминая тот ужас.

— Его тени вырвали Дамиана из моих рук. Брат даже не вскрикнул — он просто затих. И незнакомец исчез, растворившись во тьме, забрав малыша с собой.

— Мортейн, значит... — прошептал Арас, и в его голосе прозвучало нечто, похожее на зловещее предвкушение.

— Я не говорила тебе его имя, — удивлённо выдохнула я.

— Все знают про его шоу, «Театр Разбитых Звёзд». На ярмарках люди называют его «Цирк уродов и чудес». Он держит детей-искр в специальных инкубаторах, выставляет их напоказ и высасывает из них магию, что позволяет ему делать свои шоу такими помпезными. Ходят слухи, что посещение представления «заряжает» людей с магическими дарами, делая их сильнее, и продлевает жизнь. Чушь, конечно, но многие верят.

— Ты там был? — спросила я, чувствуя, как по спине пробегает холодок.

— Милая, чтобы туда попасть, надо быть кем-то из знати. Из элиты. — Арас пожал плечами. — Просто так билет туда не купить.

— И это ещё не всё, — продолжила я, чувствуя, как злость снова закипает внутри. — Нас предал... человек, которому я доверяла. Мой бывший. Леман. Он сдал нас инквизиторам. Теперь они следят за моей семьёй и, возможно, за мной. И я уверена: они тоже будут искать Дамиана.

Я подняла взгляд на Араса.

— Теперь ты понимаешь. Мне плевать на опасности, на столицу и на то, выживу ли я сама. Я должна его вытащить.

Арас молчал долго. Он смотрел на огонь, и в этом свете его лицо казалось высеченным из камня. Я ждала очередной колкости или совета повернуть назад.

— Значит, ты идёшь против самого Короля, этих фанатиков и одного из самых опасных существ нашего мира... — негромко произнёс он наконец, а затем повернулся ко мне. — Похоже, ты ещё безумнее, чем я мог предположить. А я-то думал, что самое глупое твоё решение было сесть ко мне на корабль.

— Самое глупое моё решение было тогда остаться с тобой на палубе, — съязвила я, возвращаясь к теме той ночи. — Я действительно испугалась монстра глубины, или как его там...

Арас откинул голову и засмеялся.

— Серьёзно, Элли? Если тебя во всей ситуации смутило только это, значит, мои действия не были ошибкой.

— Ублюдок! — я ударила его в плечо, хоть и знала, что ему до сих пор больно.

— Красавица, нет никакого монстра, — спокойно произнёс он, потирая ушибленное плечо. — Может, пара акул, которые бы учуяли кровь, но это не так страшно.

— Ты серьёзно? — я не могла поверить его спокойному тону.

Он ухмыльнулся, и в его глазах снова заплескались те самые опасные искорки.

— Ты так испугалась, это было мило. Но на самом деле я видел твой взгляд: желание, возбуждение и... страх. Нам обоим нужно было разрядиться после того дня. И даже не смей сказать, что тебе не понравилось, и ты не фантазировала и не вспоминала больше о моём члене внутри себя...

Его взгляд задержался на моём лице.

— Не смотри на меня так, Эйлин, — его голос смягчился, и он немного наклонил голову, словно пытаясь разглядеть что-то в моём смущении. — Я не говорю, что не вспоминал тебя. Твои мягкие изгибы и стоны... это всё ещё возбуждает.

Я почувствовала, как щёки заливают краска. Он был бесцеремонным. Как всегда. Действительно, чего я ожидала?

— Я не хотел причинять тебе боль, — перебил он ход моих мыслей. — Это был... импульс. Адреналин. Мы оба были на грани.

— А сейчас? — спросила я, встречая его взгляд. — Сейчас тоже импульс? Или просто скука?

Арас усмехнулся, глядя на новую порцию вина, искрившуюся в его бокале. Он принялся медленно крутить его в руках, и в этом жесте читалось желание поскорее сменить тему.

— Ты идёшь против Инквизиции и Мортейна. Это сумасшествие. Но я видел твою храбрость. У тебя есть сила, Эйлин. И воля. — Он поднял на меня глаза. — Может, ты и безумна, неопытна, даже немного глупа... Но ты не пустышка.

Он замолчал, словно взвешивая каждое следующее слово.

— Я могу тебе помочь...

Я недоверчиво прищурилась.

— Ты? И чем? И мне потом расплачиваться так же, как за проезд на корабле? — фраза, полная горечи, вырвалась сама собой.

— Очень смешно. Я, кстати, говорил, что могу помочь ещё в первый вечер, когда ты сама пришла в мою каюту. Или ты забыла?

Я фыркнула, но промолчала. Он был прав.

— Ладно, — сказала я, скрестив руки на груди. — И как же?

— Я знаю одного человека в Этерии, кто точно смог бы добыть пропуск на шоу Мортейна. — Арас сделал глоток вина. — Его зовут Кайдэн Ли. Он товарищ моего отца. Кайдэн владеет крупными торговыми путями и сетью лавок, куда стекаются сокровища со всего мира. Мы с отцом часто останавливались у него, когда были проездом в столице. Он знает всех и вся, а его влияние простирается гораздо дальше городских стен. За деньги или за услугу он может достать всё, что угодно.

Я слушала его, и в голове вырисовывалась картина того, что мне делать дальше.

— Когда мы придём в Этерию, я сведу тебя с ним, и посмотрим, что он скажет.

— Так... это уже звучит как план, — я медленно кивнула, затем решилась спросить. — Ну, если пошёл такой разговор, может, расскажешь о себе? Чей это дом? И почему он открылся твоим кольцом?

— Этот дом... — Арас замолчал, его взгляд устремился в огонь, словно он видел там не отблески пламени, а картины из прошлого. — Мой отец был архитектором. Известным. Он проектировал дома для королевской знати в столице. Его знали все. Именно так он и познакомился с Кайденом Ли — он проектировал для него особняк, и потом они стали друзьями. Отец создавал красоту, а вот мама... мама видела в этом большее. Её всегда тянуло к древнему. Магия, руны, ритуалы.

Он сделал глоток вина.

— Этот дом — её главное творение. Не только его архитектура, но и то, что под ней. Он открывается только кольцом — печаткой нашей семьи. Это не просто ключ, это часть магии, которую она вложила сюда, чтобы защитить нас.

Он снова замолчал. Затем, понизив голос, продолжил, и в его взгляде, когда он наконец отвёл его от огня, читалась невыносимая боль:

— Когда мне было пятнадцать... я заболел. Сильно. Лёгкие отказывались дышать. Лекари говорили, что шансов мало. Родители... они не могли пережить мысль, что их сын умирает. Они не могли смириться. — Арас сжал бокал так, что стекло казалось вот-вот треснет. — Они были готовы на всё. Ради меня. Они провели ритуал. Кровавый, запрещённый ритуал. Отдали свои жизни древнему Богу, или силе, или... чему-то ещё. В обмен на мою. Кулон на моей шее — это их кровь. Их последняя жертва. Они остались жить... здесь. В этой земле, в этом доме... Навсегда. А я... я просто остался жить.

Я смотрела на него, не решаясь произнести ни слова. Словно сама ощущала тяжесть этой жертвы, видя, как каждый отблеск пламени заставляет его лицо становиться всё более мрачным.

— Это... это невероятно, — наконец прошептала я, когда тишина стала невыносимой. — Не могу представить, через что ты прошёл.

Арас медленно поднял на меня взгляд. В его глазах на мгновение промелькнуло что-то похожее на благодарность за моё молчание и понимание, но тут же исчезло, сменившись привычной отстранённостью.

— Я знаю, — ответил он тихо, и в его голосе звучала глубокая усталость. — Но прошлое не изменить. Важно то, что ждёт нас впереди.

Он откинулся на спинку дивана, его поза стала более расслабленной.

— Когда мы придём в Этерию, я сведу тебя с Кайденом. Он не откажет. Ты веришь мне? — спросил он, и его голос стал твёрже, лишившись прежней усталости.

Я не ответила сразу. Но здесь, перед затухающим очагом, после его рассказа о жертве родителей, в нём было что-то, что заставляло меня рискнуть. Верить не только ему, но и в свои шансы.

— Верю, — наконец выдохнула я, и в этом простом слове было всё: и моя надежда, и мои сомнения, и моё доверие, которое я готова была ему подарить.

Глава 14

Ночь пролетела мгновенно, забрав с собой тяжесть вчерашних признаний. Я проснулась с непривычным ощущением свободы: решение довериться Арасу сняло с плеч груз, тяготивший меня всё это время. Но воздух в комнате не стал легче — утро выдалось густым и липким от зноя. Влажные испарения от водопадов смешивались с жаром раскалённых скал, превращая атмосферу в неподвижную, тяжёлую пелену.

Дом уже гудел от топота сапог, лязга снаряжения и отрывистых команд. Не желая терять ни минуты, я подошла к шкафу и выбрала наряд, который показался мне самым практичным для такой погоды. Светлый корсет из плотной ткани цвета слоновой кости сел точно по фигуре, а глубокая шнуровка спереди позволяла дышать свободнее в этом застывшем воздухе. К нему я подобрала свободные тёмные брюки из тонкого хлопка, не стесняющие движений. Заправив штанины в высокие ботинки и туго заплетая волосы, чтобы шея оставалась открытой, я посмотрела в зеркало. Эта новая Эйлин нравилась мне куда больше: собранная, решительная и готовая к действию.

Внизу кипела жизнь. Моряки, окончательно восстановившиеся за эти дни, работали слаженно, перетаскивая к выходу последние тюки с припасами. За время нашей стоянки команда совершила чудо: «Теана» в бухте сверкала подлатанными бортами и новыми парусами, замершими в ожидании ветра.

Я вышла на террасу, где влажный зной ощущался ещё острее. Арас стоял у перил, отдавая финальные распоряжения. Он обернулся на звук моих шагов, и его взгляд медленно, почти осязаемо скользнул по моему новому образу, на мгновение задержавшись на шнуровке корсета.

— Жарко сегодня, — произнесла я, подходя ближе и стараясь сохранить уверенный вид.

Арас ответил не сразу. Он сделал шаг навстречу, и в его глазах, наконец лишённых колючей насмешки, мелькнуло неприкрытое одобрение.

— Жарко, — согласился он, и его голос прозвучал непривычно мягко. — Выглядишь великолепно, Эйлин. Тебе идёт эта решимость.

Я почувствовала, как к щекам прилил жар, и на этот раз виной была не только погода. Это был его первый по-настоящему искренний комплимент, лишённый двойного дна или издёвки.

— Пора спускаться, — добавил он, кивнув в сторону причала. — Корабль заждался, а море не прощает медлительности.

Мы направились вниз к шлюпкам. Путь к цели официально начался. Шлюпки быстро переправили нас к борту, и стоило мне ступить на палубу, как я почувствовала: «Теана» наконец ожила под ногами. Корабль словно приветствовал команду негромким скрипом мачт и дрожью палубы.

Послышались резкие команды, запели блоки, и огромные полотна парусов с громким хлопком поймали ветер. Мы уверенно выходили из бухты, оставляя величественный дом в скалах позади — теперь он снова становился лишь частью неприступного утёса. Палящий зной, так мучивший меня на берегу, всё ещё висел над водой, но по мере того как мы набирали ход, лёгкий морской бриз начал понемногу разгонять липкую тяжесть утра, принося долгожданную солёную прохладу. Но прохлада эта была обманчивой. Воздух, хоть и стал подвижнее, нёс с собой тяжёлый запах морской гнили.

Мы шли вдоль изрезанного скалистого побережья, наслаждаясь скоростью и слаженной работой экипажа. Я стояла у борта, подставив лицо ветру, когда тишину внезапно пререзал странный звук.

Это не был крик птицы или плеск крупной рыбы. Тонкий, вибрирующий свист, похожий на плач хрустальной флейты, раз за разом ударялся о камни и эхом разносился над водой.

Звук был настолько пронзительным и полным страдания, что у меня по спине пробежал холод, несмотря на палящее солнце.

— Ублюдки... — выдохнул сквозь стиснутые зубы Матиас, и я впервые увидела, как его лицо превращается в маску истинной ярости. — Дроган, ты слышишь? Это Нави.

Арас, стоявший у штурвала, резко вскинул голову. Его взгляд мгновенно ожесточился. Он не произнёс ни слова, лишь коротким жестом приказал сменить курс, направляя корабль вглубь небольшой, скрытой за утёсами бухты.

Команда среагировала мгновенно. Никто не ждал приказов. Я последовала за ними, ведомая болезненным любопытством.

Там, покачиваясь на грязной воде, стояла старая рыбацкая шхуна. Звук шёл оттуда.

Когда мы подошли достаточно близко, чтобы рассмотреть палубу, я почувствовала, как к горлу подступает тошнота. Нави... она была подвешена к грот-мачте. Грубая верёвка стягивала её хвост, она висела вниз головой, едва касаясь руками скользких досок. Её жемчужная кожа тускло мерцала в тени скал, а длинные светлые волосы разметались по палубе грязным веером. Она была ещё жива — тело судорожно извивалось, пытаясь высвободиться, а жабры на рёбрах часто и мелко подрагивали.

Вокруг неё теснились трое рыбаков, не замечающих нашего приближения, увлечённые добычей. Один из них, приземистый мужчина в засаленном фартуке, грубо схватил Нави за подбородок, заставляя её запрокинуть голову.

— Гляньте, какая пасть, — хохотнул он, бесцеремонно засовывая два пальца ей в рот. Он намеренно растягивал нежную кожу губ, срывая её и без того надломленный свист в хрип. — Говорят, они внутри устроены хитрее, чем обычные бабы. Я сначала отымею её в рот, а потом посмотрим, так ли хороша та складка на хвосте, как матросы в портах брешут.

Другие смеялись, приближались, их руки становились всё более бесцеремонными: они трогали её, оттягивали лиф из мелких ракушек, оголяя грудь, оставляя уязвимой. То, что сначала казалось издёвкой, быстро превратилось в явное притязание — в их взглядах читалось не любопытство, а намерение.

Второй рыбак, стоя на коленях, уже жадно ощупывал пальцами чешую там, где хвост переходил в торс, его поведение становилось всё более агрессивным. Их смех и гогот резали уши, превращая всё происходящее в отвратительный спектакль, где главной пыткой был её страх.

— Раздвигай давай, — прохрипел он, облизывая пересохшие губы. — Она скользкая, как масло.

— Смотри, как пульсирует, сука, — гоготал он, расстёгивая штаны. — Говорят, что у них там внутри всё горячее, чем у любой девки из портового борделя.

Нави снова издала этот надломленный свист. В её больших, затянутых молочной плёнкой глазах не было слёз — только беспредельный, животный ужас перед тем, что с ней делают.

Я стояла, не в силах пошевелиться. Во рту пересохло, сердце колотилось где-то в висках — мысли о вмешательстве рвались наружу, но тело будто примерзло к полу.

Тень нашего корабля легла на их палубу внезапно, как погребальный саван.

Арас перемахнул через фальшборт без лестницы. Его движения были пугающе спокойными, в них не было суеты — только холодная, отточенная решимость. Рыбак, державший Нави за рот, не успел даже обернуться. Арас схватил его за запястье той руки, что была во рту пленницы, и с диким хрустом сломал кость.

Мужчина взвыл, но Арас не дал ему упасть. Он перехватил его за горло и прижал к мачте, прямо рядом с его жертвой.

— Тебе было интересно, как она устроена внутри? — голос звучал почти ласково, и от этого звука по моей коже пробежал мороз. — Сейчас я покажу тебе, как устроен ты.

Он коротким, точным движением вогнал нож рыбаку в живот и рванул вверх, вспарывая его, как мешок с требухой.

Двое других, остолбенев на мгновение, ринулись прочь, но путь к воде уже перекрывали фигуры наших матросов. Это не был бой. Это была казнь. Матиас и Дроган работали молча и слаженно. Их клинки находили плоть с глухими, влажными звуками.

Арас повернулся к тому, кто щупал хвост пленницы. Тот скулил, забившись в угол под лебёдкой.

— Мы просто забавлялись... она же не человек! — пролепетал он, закрываясь руками.

Капитан подошёл вплотную. Его сапоги оставляли кровавые следы на досках.

— В этом море человек — тот, кто чтит его законы. А ты — просто падаль, возомнившая себя хозяином.

Он схватил негодя за волосы, заставляя смотреть на измученную Нави.

— Смотри на неё. Запомни этот свист. Это последнее, что услышишь.

Одним мощным ударом тесака Арас прекратил его мольбы. Тело ещё дёргалось, когда он брезгливо толкнул его ногой за борт, в тёмную воду бухты.

Затем он подошёл к Нави. Весь холод мгновенно исчез из его движений. Он очень осторожно, стараясь не причинить боли, перерезал верёвку на её хвосте, подхватывая тело прежде, чем оно коснулось палубы. Он прижал её к себе — мокрую, пахнущую морем и страхом.

— Дроган, ведро воды. Живо! — приказал он.

Арас бережно положил её на брезент и начал счищать грязь с её кожи. Она слабо затрепетала, издавая звук, похожий на звон разбитого хрустала. Он коснулся своими пальцами её губ, которые только что терзал рыбац, и тихо прошептал что-то на языке, который я никогда не слышала.

— Прости нас, сестра Моря, — перевёл Матиас, стоявший у меня за спиной. — Он просит прощения за то, что на свете есть такие твари, как люди.

Он омыл её кожу чистой водой из ведра, смывая следы грязных рук рыбаков. Затем, кивнув матросам, поднёс к борту. Когда она коснулась воды, её хвост мощно ударил по поверхности, и серебристая вспышка мгновенно ушла на глубину, оставив после себя лишь расходящиеся круги.

Арас стоял неподвижно, задумчиво вглядываясь в воду. Потом медленно обернулся, его глаза были тёмными, как океан во время шторма.

— Жгите эту лохань, — бросил он, направляясь к нашему кораблю. — Море не должно помнить, что здесь была эта мразь.

Увиденное повергло меня в шок. Я и представить не могла, что люди способны на такую изощрённую жестокость — не просто убивать, а глумиться над кем-то столь беззащитным и прекрасным. В сердце поселился удушающий, первобытный страх, но вместе с ним пришло и холодное осознание: я обязана стать сильнее. Если не научусь защищаться сейчас, то просто сгину при первой же настоящей опасности.

«Теана» отошла от зловещей бухты и вновь взяла курс на Гору Стихий. Эхо недавней расправы ещё висело в воздухе, но палуба уже гудела от возмущённых голосов.

— Эти шакалы совсем обнаглели! — гремел одноногий матрос, хлопая ладонью по колену. — Мы держали их в узде с того самого случая с «Теаной» много лет назад... Но, видно, память у них короткая!

«Теана»? Имя эхом отозвалось в мыслях. Кем она была? Если это название корабля... а если нет? Развить догадку я не успела, кожей почувствовав тяжёлый, пристальный взгляд.

Арас стоял, прислонившись к мачте, и наблюдал за мной. В его глазах не было ярости — только глубокая, уставшая мысль.

— Я уже невольно напрягаюсь, когда ты так смотришь, — бросила я, пытаясь скрыть за ехидством внутреннюю дрожь.

Он лишь скользнул взглядом по мальчишкам, сновавшим с тюками из трюма.

— Я попросил Закари и Иво обустроить твоё жилище. Не могу позволить, чтобы наша спасительница спала в обнимку с крысами, — произнёс он низким голосом. В уголке его губ мелькнула знакомая усмешка. — Можешь пойти проверить, не наворотили ли они лишнего. Я видел, какой гардероб тебе подобрал Иво...

Что-то в моей душе оттаяло. Несмотря на всю его невыносимость, я с удивлением поймала себя на мысли, что уже скучаю по этим колкостям.

— Проверю, конечно, — ответила я, смягчаясь. — Но оставлю им пространство для творчества. Эти парни так стараются, не хотелось бы их обидеть.

Я выдержала паузу, собираясь с духом, и сменила тон на серьёзный.

— Арас... ты можешь меня обучать?

— Я бы мог научить тебя многому, — мгновенно перебил он, и в глазах блеснул знакомый опасный огонёк, — если бы ты предпочла трюм моей спальне.

— Боги... какой же ты невыносимый! — я всплеснула руками. — Я серьёзно. Хочу научиться драться. Как ты, как парни. Вы не всегда будете рядом, я должна уметь постоять за себя.

— Не видать мне спокойной жизни... — разочарованно вздохнул он. — Даже не знаю, что хуже: бои с морскими ворами или попытка сделать воина из такой неженки. Может, всё-таки ещё раз рассмотришь моё предложение о «ночных тренировках»?

— Идиот, — фыркнула я и, не сдержавшись, шутливо ткнула его кулаком в плечо.

Арас залиvisto рассмеялся — его смех был таким заразительным, что я не устояла и рассмеялась в ответ. Воздух между нами стал легче, будто с плеч упал невидимый груз. Что-то сдвинулось. Колкие шутки, прежде ранившие мою гордость, теперь вызывали лишь лёгкую улыбку. Между нами возникло притяжение — едва уловимый, но отчётливый разряд, но мы оба понимали, сейчас позволить себе большее было бы безумием.

Успокоившись, я направилась в трюм.

— Ого! Здесь теперь... намного уютнее! — воскликнула я, спускаясь в полумрак, пропитанный запахом дерева, специй и свежего сена.

Изо всех сил стараясь не рассмеяться, я подошла к Иво. Он смущённо поправлял пышные павлиньи перья, которые теперь гордо торчали из старой винной бутылки.

— Спасибо, парни... Правда, спасибо! Что бы я без вас делала? Вы мне уже как родные братья!

Мальчишки, сияя, переглянулись и принялись за импровизированную экскурсию, с энтузиазмом демонстрируя свои «достижения». Надо отдать им должное: они постарались на славу. Солома, искусно собранная и связанная, образовывала подобие комфортной лежанки, застеленной множеством мягких покрывал. Иво даже выклянчил у Араса несколько его шикарных, явно дорогих подушек, которые теперь украшали это царское ложе. Из старого, покорёженного комода — где, судя по резкому запаху, раньше хранили порох, — они соорудили импровизированный шкаф. В укромном уголке нашлось небольшое зеркало в красивой, но позеленевшей от времени медной раме. Самым ценным же было то, что им удалось изгнать крыс — по крайней мере, большинство.

— Все щели кориандром и куркумой посыпали! — с гордостью доложил Закари. — Крысы теперь сюда нос не сунут!

Ещё раз поблагодарив их, я осталась одна. Медленно обошла своё временное пристанище. Мягкая лежанка, старое зеркало, нелепые перья в бутылки — каждая деталь дышала заботой. И от этого стало невыносимо горько.

Всего через несколько дней наше недолгое, но такое невероятное приключение закончится. Гора Стихий уже маячила на горизонте моего будущего, и это означало, что мне придётся идти своей дорогой. Одной. Я вновь окажусь наедине с миром, где каждый уголок таил

опасность, и это осознание обжигало сильнее холодного ветра. Возможно, я больше никогда не увижу лучезарные улыбки Иво и Закари, их задорные взгляды, полные неиссякаемой энергии. Я успела привязаться ко всей команде: к ворчливому, но справедливому одноногому старику, к молчаливому кормчему, к каждому, кто стал частью моей новой, временной семьи. Мы сплелись в единое целое — небольшой островок надёжности посреди бушующего океана, — и теперь этот островок вот-вот должен был распасться.

Мысли о скорой разлуке терзали меня, как голодные хищники. Неужели всё закончится так быстро? Три дня! У меня всего три дня до расставания. Три дня, чтобы научиться хотя бы сносно держать оружие, освоить простые приёмы защиты. Хватит терять время на самобичевание и грусть. Я вспомнила недавний бой с рыбаками, свою беспомощность, зависимость от каждого удара Араса и парней. Нет. Этого больше не будет.

Решимость — твёрдая и холодная, как сталь, — заполнила каждую клеточку тела. Нельзя терять ни минуты. С этой новой, окрепшей целью я быстро поднялась и выскользнула на палубу разыскать Араса. Первый настоящий урок нужно было начать немедленно.

Искать его долго не пришлось. Арас, словно ленивый кот, развалился на капитанском мостике. Ноги в потрёпанных сапогах небрежно закинута на штурвал, мускулистые плечи подставлены палящему солнцу. В его позе сквозило полное отсутствие забот — и это невероятно раздражало.

— Ну неееет... только не сейчас, — приоткрыл он один глаз, лениво оглядев меня. — Глядя на твою решимость, мне подумалось, что ты хочешь, чтобы я бросил своё невероятно важное занятие и нянчился с тобой?

Голос сочился насмешкой. Арас сладко потянулся, демонстрируя рельеф мышц под расстёгнутой рубашкой.

Я скрестила руки на груди.

— Я вообще-то тебе жизнь спасла, капитан, — мой голос звенел от негодования. — И ты теперь мой должник! По двум пунктам, — посмеялась я про себя, вспоминая момент, когда он, кажется, получил больше, чем я. — Вставай сейчас же! У нас мало времени, а я не хочу умереть в первые же пять минут после вашего отплытия.

Он выдержал паузу, оценивая мой пылкий взгляд, и наконец, с нарочитой скукой, поднялся со своего импровизированного трона из ящиков. Ловко подхватив меня за завязки корсета, потянул за собой на корму, где шум моря и скрип снастей заглушали любопытные взгляды матросов.

— Пошли, заноза... — буркнул он. — Там меньше зрителей, и никто не увидит твой позор, когда ты начнёшь махать клинком, как мельница без ветра.

Я оказалась довольно неспособной ученицей. Тело не слушалось: ноги предательски заплетались, заставляя терять равновесие, а пот лился ручьями, застилая глаза и щипля кожу. Деревянная тренировочная палка, которую Арас сунул мне в руки, казалась невероятно тяжёлой и непослушной.

— Элли! — подначивал он, с лёгкостью уворачиваясь от моих неуклюжих взмахов. — Ты скорее зарубишь сама себя или расшибешь голову о палубу, запутавшись в ногах! Твой враг умрёт от смеха раньше, чем от твоего клинка!

Я, тяжело дыша, попыталась парировать.

— А может, ты такой плохой учитель?! — выкрикнула я, едва не споткнувшись. — И не зря я отказалась от твоего первого предложения об «обучении»!

Арас мгновенно оказался рядом, глаза блеснули.

— Не пытайся задеть моё достоинство, красавица, — его голос понизился, стал вызывающе бархатным. — Или мне придётся убеждать тебя куда более наглядно. Перестань импровизировать и выполняй указания!

Он слегка надавил палкой на плечо, заставляя принять правильную стойку, и я, несмотря на усталость, почувствовала лёгкую дрожь по телу. В этой борьбе характеров, как и в борьбе с палкой, я пока проигрывала, но отступить не собиралась.

Море сегодня было беспокойным: каждый крен корабля ощущался как предательский толчок, лишая меня устойчивости. Борт то и дело облизывали высокие волны, окатывая палубу солёными брызгами, что обжигали кожу и попадали в глаза. Мир вокруг плясал в безумном танце, а я пыталась устоять на скользкой древесине, размахивая тяжёлой палкой вместо меча. Каждая мышца ныла, словно после немыслимой дистанции. В висках стучал пульс, щёки пылали, обдавая жаром прохладный морской ветер.

Я выглядела ужасно: волосы прилипли к лицу, одежда промокла. Арас был строг. Лёгкие, но чувствительные удары по рукам и ногам заставляли двигаться, реагировать, думать. Ни скидок на усталость — только «стойка», «удар», «защита», «снова!».

К вечеру, когда солнце клонилось к горизонту, окрашивая небо в кровавые тона, а от холодной палубы потянуло сыростью, я более-менее научилась держать равновесие и сносно защищаться. Об атаке речи не шло.

— Пока не усвоишь основы, дальше не двинемся, — отрезал Арас. Взгляд был серьёзным, но в нём мелькнул проблеск удовлетворения.

Наконец он кивнул, опуская палку.

— На сегодня закончим. — В голосе прозвучало облегчение. — Мне, конечно, доставляет удовольствие видеть твои неподдельные страдания, — усмехнулся он, — но если продержу тебя здесь ещё час, ты завтра не выползешь из трюма.

Обессиленная, я рухнула на колени. Каждая клетка тела кричала от боли.

— Как же сложно! — выдохнула я, проклиная в душе своё решение.

В этот миг казалось, что я никогда не овладею этим искусством. Мои прежние занятия были детскими играми по сравнению с этим.

Арас протянул руку. Его пальцы коснулись моих, по телу пробежал разряд, но я была слишком измотана, чтобы анализировать.

— Поднимай свою сладкую попку, принцесса, — голос стал чуть мягче, хотя колкость никуда не делась. — Нужно поужинать и отдохнуть. Я скажу Закари принести воды для мытья. Если ты, конечно, не решила отравить оставшихся крыс...

Смеясь над собственной шуткой, Арас направился отдавать приказы. Его походка была лёгкой и уверенной, словно он не провёл часы в напряжённой тренировке. А я, на дрожащих ногах, побрела в трюм, чтобы хоть немного привести себя в порядок к ужину. Сейчас хотелось рухнуть на покрывала и забыться, но завтра... завтра придётся продолжить. И эта мысль, как ни странно, не пугала.

Наспех ополоснувшись и надев чистое, я поднялась на палубу. Прохладный вечерний бриз обволок меня, приятно остужая пылающее тело. Вода смыла не только пот и пыль, но и часть изнуряющей усталости.

Неподалёку, на большой бочке из-под вина, примостился моложавый матрос — тот самый, которому я недавно латала руку. Сейчас он сосредоточенно вязал замысловатые узлы из грубого корабельного троса. Пальцы двигались с поразительной ловкостью — словно сами знали, что делать.

— Как ваша рука? — робко спросила я, подсаживаясь на другую бочку.

Мужчина поднял голову, и его лицо озарилось искренней улыбкой.

— Ты просто волшебница, Эйлин! Рука почти как новая, — он осторожно сжал кулак, проверяя. — Разве что пальцы нужно немного разработать.

Затянув узел, он отложил трос.

— Кстати, меня зовут Зоран. Не было времени представиться в суматохе... И зови на «ты», я не так уж стар! — подмигнул он.

Заметив мой интерес, мужчина продолжил, глаза загорелись азартом:

— Иди поближе, если хочешь, научу! Не раз крепкий узел спасал мне жизнь на мачте. Есть узлы для связывания, крепления, страховки... Вот этот — «булинь». Идеален для петли, что не затягивается. А это «выбленочный» — им быстро привяжешь верёвку к чему угодно, даже если мокро или скользко. А «прямой узел» — для соединения двух верёвок одинаковой толщины. Главное — знать, для чего какой, и затягивать как следует.

Я моментально согласилась, пододвинув бочку ближе. Вязать узлы у меня получалось явно лучше, чем махать палкой. Зоран был тактичным и терпеливым учителем — не подтрунивал, не подгонял, а спокойно объяснял, показывая каждое плетение.

Я так увлеклась, что не заметила, как стемнело, пока Закари не забил в колокол, созывая на ужин.

— Можно взять верёвку себе? — спросила я.

— Конечно! У нас на корабле всё общее! Да и я сегодня изрядно напьюсь. — Мужчина рассмеялся. — А тебе много не советую — слышал, Арас с утра тебя гонять собрался. Говорит, успехи оставляют желать лучшего. Так что лучше отдохни!

Я улыбнулась, принимая кусок троса. Даже с учётом завтрашней тренировки, эти уроки станут моим маленьким, но ценным приобретением.

Глава 15

Несмотря на умопомрачительные ароматы блюд Закари, еда почти не лезла в горло. Я наспех перехватила кусочек жареной курицы, чувствуя, как мясо тяжело оседает в желудке, и почти залпом опрокинула бокал терпкого вина. И, пожелав всем доброй ночи, с трудом переставляя ноги, поплелась в трюм.

Вечер выдался особенно душным. Воздух, тяжёлый и влажный, оседал на коже, а навязчивый запах керосина от тускло мерцающей лампы лишь усиливал ощущение замкнутости. Я сидела на койке, сгорбившись, и, сосредоточенно хмурясь, боролась с грубой верёвкой. В голове настойчиво бились слова Араса: «Если не научишься защищаться — умрёшь». Пальцы скользили по жёстким волокнам, но узел упрямо не слушался, превращаясь то в бесформенную петлю, то в нечто нелепое. Он был словно живой, издеваясь над моими тщетными усилиями.

Дверь тихо скрипнула. В проёме возникла высокая фигура Араса. Он вошёл без стука, прислонился плечом к косяку, скрестив руки на груди. Его взгляд скользнул по моим рукам, по верёвке, по напряжённому лицу.

— Всё ещё воюешь с этой штукой? — голос прозвучал низко, вибрируя в тесном пространстве.

— Пытаюсь понять, почему она не держит натяжение, — ответила я, не поднимая глаз.

— Не тот узел. Дай сюда.

Арас неспешно подошёл, его густая тень накрыла меня. Он протянул руку, и через мгновение его пальцы — быстрые, уверенные — сплели из обычного каната тугую, идеальную петлю.

— Знаешь такой? — спросил он, протягивая творение.

Я взяла, разглядывая хитрое переплетение.

— Нет, — призналась я, ощущая лёгкий озноб.

Арас улыбнулся — хищно, предвкушающе.

— Отлично. Именно это мне и нужно. Чтобы ты не смогла его развязать.

Прежде чем я успела отреагировать, он одним ловким движением надел петлю мне на шею. Не туго, не удушающе, но достаточно ощутимо, чтоб дыхание на миг замерло.

— Что ты делаешь? — мой голос дрогнул.

Арас не ответил сразу. Его пальцы, ещё мгновение назад уверенные в работе с верёвкой, теперь медленно скользнули вдоль моей шеи. Прикосновение было изучающим, осторожным, но от этого становилось только более волнующим.

— Это «блуждающая восьмёрка», — бросил тихо он, поймав мой взгляд. — Узел для связывания. Иногда плен бывает сладким... особенно когда его выбираешь сам.

Он чуть надавил, и петля слегка натянулась, заставляя сердце биться чаще — не от страха, а от чего-то более глубокого, манящего. Чувство уязвимости смешалось с нарастающим желанием. Я знала: он не причинит боли. Но он явно собирался завладеть мной, излить страсть. Его рука скользнула ниже, к ключицам, лаская кожу. Я не отстранилась — напротив, невольно подалась вперёд, притянутая его силой.

Он наклонился ближе, его дыхание коснулось моей щеки, тёплое и настойчивое. Я закрыла глаза, ощущая, как тело отзывается на эту близость, наполняясь предвкушением. Его губы, сначала осторожно, затем увереннее, накрыли мои. Поцелуй был жадным, полным долгого ожидания, словно он хотел выучить меня наизусть — каждый изгиб, каждый вздох, вкус податливости.

Его руки принялись расшнуровывать мой корсет, настойчиво оголяя грудь. Воздух сгустился, пропитавшись нашим дыханием и ароматом тел.

— Ты ещё не развязала узел, — низко произнес он. — А значит... ты моя, Эйлин.

Тело вспыхнуло, откликаясь на каждое прикосновение. Страх растворился в возбуждении, манящем своей тьмой. Это не было насилием — это было погружение в неизведанное, и я, к своему удивлению, жаждала нырнуть глубже.

Арас потянул за свободный конец верёвки, заставляя приподнять подбородок и встретить его взгляд. Плетение врезалось в кожу — не ранило, но подчёркивало его власть, обжигая осознанием моей покорности.

— Что я делаю? — эхом повторил он, и в голосе зазвучала опасная, вибрирующая нотка. — Проверяю твою волю, Эйлин. И как легко она тает, когда я касаюсь нужных мест.

Он шагнул ближе, прижимаясь всем телом. Я чувствовала его жар, видела тени от лампы в глубине зрачков. Дыхание стало рваным, петля пульсировала в такт венам.

— Ты ведь сама этого хотела, — прошептал он у моего уха, дыхание опалило кожу, пробуждая мурашки. — Признай.

Как бы я ни хотела бросить ему в лицо, что он ошибается... слова застряли в горле. Моё собственное тело предавало меня: обжигающая влага между бёдрами была честнее и громче любых возражений.

Его свободная рука легла на затылок, пальцы запутались в волосах, слегка оттягивая назад — жест властный, не допускающий возражений. Затем он надавил на мои плечи, вынуждая опуститься на колени.

— Смотри на меня, — приказал он.

Его рука переместилась к поясу брюк. Движения медленные, тягучие, словно он смаковал моё подчинение.

— Вы слишком много говорите, капитан, — выдохнула я, и в голосе скользнул вызов.

Арас коротко рассмеялся — торжествующе, как победитель.

— Помни, Элли, этот узел развяжу только я. Когда решу, что урок усвоен.

Он направил мою голову ближе, и я, подчиняясь, приоткрыла губы, отдаваясь этой тёмной страсти, что связывала нас крепче любых морских канатов. Мир сузился: Этерия, Мортейн, прошлое — всё исчезло. Остались только он, душный воздух каюты и жар, сжигающий нас дотла. Я уловила его запах — мускусный, звериный, острый. Губы раскрылись шире, инстинктивно, и я приняла его, ощущая горячую, напряжённую плоть его члена. Узел сдавливал горло при каждом движении, напоминая о его власти, но эта лёгкая боль лишь раздувала внутренний огонь. Мои пальцы вцепились в его бёдра, пока его рука задавала ритм.

Тело предало разум, откликаясь на доминирование. Мысли ушли, оставив только ощущения: влажность, жар, пульс. Я была на грани — между унижением и жгучим удовольствием.

Он запустил вторую руку в волосы, оттянув голову назад, заставляя смотреть вверх. Слезы застилали глаза, когда я встретила с его взглядом. В нём читалось благоговение и дикое напряжение. Рыча от возбуждения, он затянул верёвку так туго, что краски вокруг померкли.

— Вот так, — выдохнул он, голос грубый, полный предвкушения. — Полностью. До конца.

Я закрыла глаза, погружаясь в этот плен, где его воля сплеталась с моей собственной жадой. Каждое его движение несло не только контроль, но и наслаждение — острое, почти болезненное. Рука обхватила то, что было недоступно моим губам, пока он прорывался через предел моего горла. Издав стон и обхватив губами его член, я заглотила его так глубоко, как только могла. Я чувствовала его дрожь, напряжение, и это дарило крупицу сладкой власти.

Внезапно он рывком отпустил волосы, и я чуть не уткнулась лицом в бедро. Свобода была иллюзией — петля напоминала о хозяине. Арас схватил меня за подбородок, поднимая лицо к своему. Я встала, и его глаза вспыхнули диким огнём — без раскаяния, без сомнений.

— Теперь ты видишь, Эйлин, — прорычал он низко, как рокот волн. — Как разум уступает телу. Как твои цели тают от одного касания.

Большой палец провёл по моим губам, обводя контур, и с этими словами он дёрнул за верёвку, притягивая меня. Поцелуй был яростным, требовательным — он кусал, терзал, и я ответила тем же, отдаваясь буре, цепляясь пальцами за его талию.

Его рука снова направила меня вниз. Крепко держа мою голову, он вновь вогнал свой член мне в горло. Волна нарастала, приближая желанное падение. Тело Араса напряглось, замерло, и он издал гортанный стон, как раненый зверь. Пальцы в волосах сжались до боли, затем ослабли. Горячий прилив спермы обжёг язык, заполняя рот. Он кончил — глубоко, полностью.

Я стояла на коленях, ощущая привкус его победы и своё неуголённое желание. Это было зеркало моей уязвимости.

Арас тяжело дышал. Он отдёрнул руку, и я, потеряв опору, прижалась лицом к низу его напряжённого живота, задыхаясь, с жгучим вкусом на губах.

Он выпрямился. Взгляд, всё ещё пылающий, упёрся в меня. Усталость мелькнула в глазах, но сменилась хищной усмешкой.

— Хорошая девочка, — проговорил он хрипло, с глубокой удовлетворённостью. — Учишься быстро.

— Твои уроки, Арас, оставляют слишком горький привкус, — ответила я, вытирая губы тыльной стороной ладони.

Он усмехнулся, взгляд скользнул по красному следу от верёвки на шее.

— Я получил, что хотел, — прошептал он, наклоняясь к уху. — Ты же... пока ничего.

Он отстранился, давая словам осесть в голове.

— Но не волнуйся, — добавил он твёрдо. — Когда захочешь вернуть долг... когда поймёшь, что не можешь без этого... сама придёшь.

Арас поправил одежду небрежно, но с абсолютной уверенностью в каждом движении. Он подошёл ко мне, взял концы верёвки, всё ещё свисавшей с моей шеи, и распустил узел с поразительной лёгкостью. Петля ослабла, и я наконец почувствовала свободу.

— Давай, Эйлин, — его голос звучал ровно, почти обыденно. — Тебе нужно выйти, проветриться. Здесь слишком душно. Пошли, — повторил он, протягивая руку.

На палубе царила иная атмосфера. Прохладный вечерний бриз, наполненный свежим запахом моря, приятно обволакивал, заставляя сделать глубокий вдох. Высокое чёрное небо было усыпано бриллиантовой россыпью звёзд. Корабль тихо покачивался на волнах, издавая успокаивающие скрипы.

Мы подошли к фальшборту и уставились в бескрайнюю темноту океана. Арас замер рядом. Внезапно он достал из кармана маленькую кожаную кисетку, вынул скрученную сигару, зажёл её с помощью искры от кремня и сделал глубокую затяжку. Кислый, терпкий дым мгновенно смешался с морским воздухом. Я удивлённо подняла бровь.

— Ты же не куришь? — это было скорее утверждение, чем вопрос. За всё время, что я знала его, Арас ещё ни разу не притрагивался к табаку.

Он сделал ещё одну затяжку, медленно выпуская сизые клубы дыма в ночь.

— Только по особым случаям...

Мы стояли так некоторое время в полной тишине, каждый погружённый в свои мысли. Наконец Арас потушил сигару о поручень, выбросил окурочек в пустую бутылку и повернулся ко мне.

— Думаю, пора спать... завтра предстоит много дел, — сказала я, чувствуя, как усталость снова накатывает.

Он подошёл совсем близко. Рука нежно скользнула к моему лицу, смахнув выбившиеся пряди с щеки. Его губы мягко коснулись моего лба.

— Прости меня, Элли...

— За что?

— Наверное... за то, что я такой идиот.

Лёгкая улыбка тронула мои губы, но тут же исчезла.

— Спокойной ночи, красавица, — произнёс он, и его взгляд задержался на мне ещё на секунду.

Затем Арас без спешки направился в сторону капитанского мостика, оставив меня наедине с холодом ночного воздуха и вихрем невысказанных эмоций.

Я осталась одна, ощущая на коже прохладу ночного бриза, а на лбу — призрачное, но такое отчётливое тепло его губ. Его «прости» засело в голове, вибрируя в унисон с беспорядочным стуком сердца.

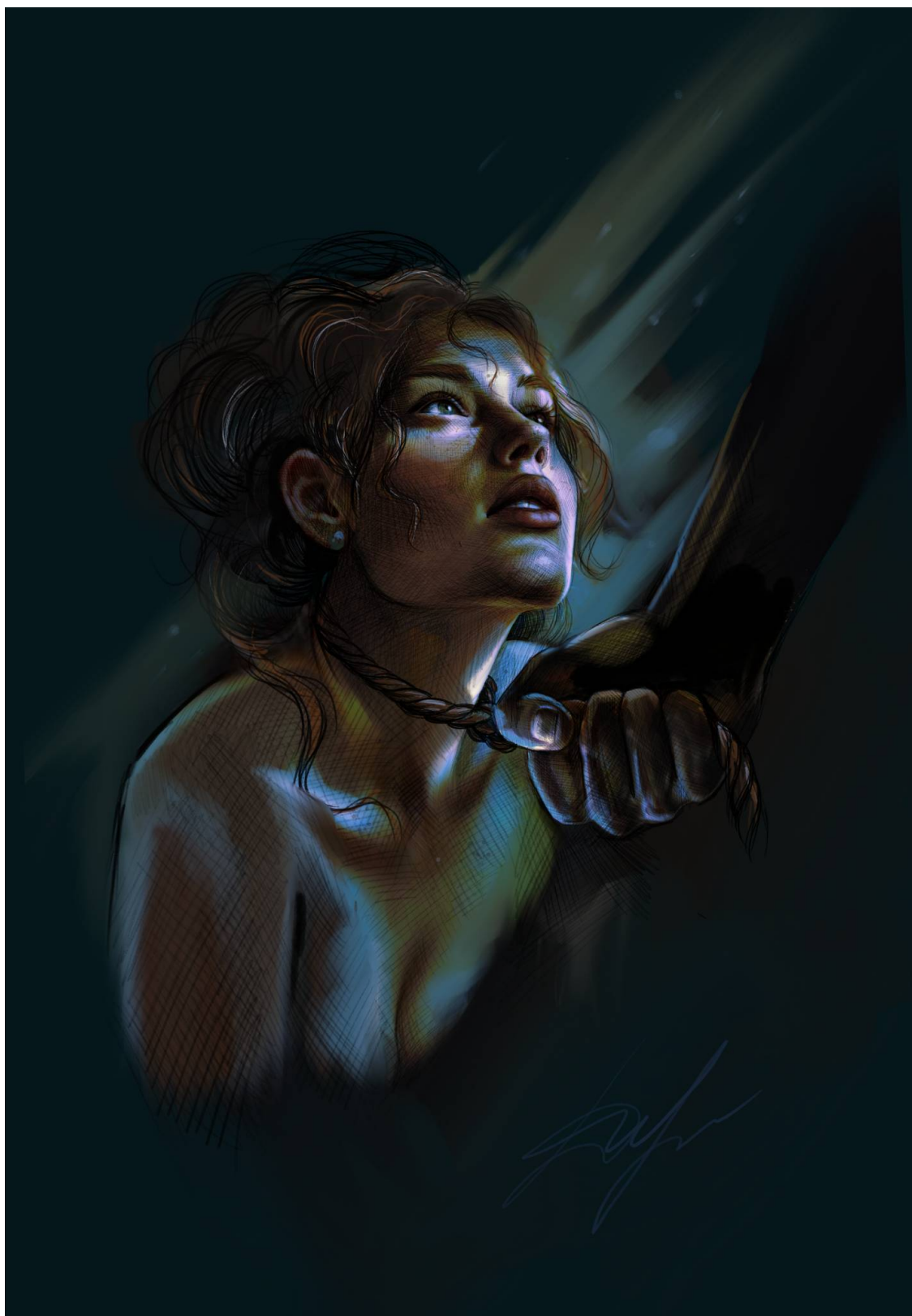
Океан передо мной был таким же безграничным, как и мои мысли. Арас... он был вторым мужчиной в моей жизни. Первым был Леман, и его предательство всё ещё кровоточило в душе незаживающей раной. Я всё ещё не могла поверить, что он так поступил, что наша связь оборвалась так жестоко. Гнев на Лемана и на саму себя за слепоту застрял где-то глубоко, не давая покоя.

А Арас... Для него это, скорее всего, просто очередное развлечение. Мимолётная прихоть, игра, в которой он привык быть победителем.

Его слова, его прикосновения... всё это лишь часть его натуры. И я не должна, просто не имею права позволять себе начать что-то испытывать. Нельзя вкладывать сердце туда, где, очевидно, нет ничего, кроме сиюминутного желания. Я уже обожглась, доверилась не тому человеку. Хватит.

Моя миссия. Именно на ней я должна сосредоточиться. Мой путь к Горе Стихий — вот что имеет значение, а всё остальное — лишь отвлекающий манёвр.

Я сохраню свои эмоции под контролем, запру их на тысячу замков, чтобы самой себе ничего не придумать на пустом месте. Просто позволю себе быть свободной и наслаждаться моментом. Я не повторю своих ошибок, не повторю. Иначе эта морская соль, что щиплет губы, покажется лишь пресным привкусом новых, горьких слёз.

Глава 16 / Арас

Я стоял у фальшборта, позволяя сигарному дыму застилать лёгкие. Каждая затяжка казалась попыткой стереть навязчивый вкус её губ. Эйлин стояла рядом, совсем близко, её рыжие локоны, похожие на языки пламени ночного костра, трепетали на ветру. На щеках ещё пылал румянец, выдавая смятение, которое она так тщательно пыталась скрыть.

Мне хотелось бы любить её.

Эта мысль, подобно острому осколку, пронзила привычную броню. Но проклятое сердце, казалось, отказывалось повиноваться, запертое за стенами, которые я старательно возводил годами. Я чувствовал себя сломанным механизмом, выброшенным на произвол судьбы своим создателем. Разум раскалывался надвое: с одной стороны — непреодолимое, почти животное желание близости с этой женщиной; с другой — жгучая злость на себя, на свою беспомощность, за то, что желаю получить от неё то, чего не имею возможности дать взамен.

Когда я увидел её впервые, во мне проснулась робкая, почти забытая надежда. Надежда на то, что именно она сможет залатать ту незаживающую рану в душе, оставленную проклятым прошлым. С каждым днём я проникался и привязывался к ней всё больше. Она открывалась мне со всех сторон, как неогранённый алмаз в руках ювелира, сияя новыми гранями: сильная, смелая до безрассудства, непосредственная в своих эмоциях.

Я хотел её. Хотел заботиться о ней, оградить от этого жестокого мира. Хотел разговаривать и смеяться вместе, забыв обо всём. Но это всё было не то. Не то, что она заслуживает. Слепое, эгоистичное желание, которое я едва мог контролировать, и страх разбить её хрупкое сердце, смешавшись, сплетались во мне в тугой узел. Они сносили на пути все выстроенные сознанием стены, оставляя меня уязвимым и злым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.